

An aerial photograph of a vast, flat desert landscape. The ground is a mix of light and dark sand, with numerous tracks and impressions. A prominent feature is a large, dark, elongated shadow cast across the lower half of the image, resembling a handprint. In the upper center, a small palm tree stands alone. The sky is a pale, hazy blue. The overall scene suggests a remote, arid environment.

НА

ЛАДОНИ

ВРЕМЕНИ

Этот сборник издаётся к 85-летию со дня рождения поэта Михаила Николаевича Сопина (1931-2004).

Если бы его спросили, откуда он? – мог бы ответить: «Мой адрес – Советский Союз». Родился в Курской (ныне Белгородской) области. Мальчиком прошёл (свидетелем и участником боёв) от Курской дуги до Берлина. Отбывал семнадцать лет в советских лагерях разных регионов. Жил в Харькове, Перми, Вологде. Издал семь поэтических сборников, был принят в Союз писателей России. В престижных литературных конкурсах не участвовал, наград не имел.

Настоящую свою аудиторию обрёл в русскоязычном мире незадолго до смерти через Интернет. Это видно и по географии авторов сборника «На ладони времени» – тех, кто захотел откликнуться на посмертный юбилей: Россия: Вологда, Москва, Белгород, Санкт-Петербург; Украина; Португалия...

Ознакомиться с творчеством М.Н. Сопина можно на персональной странице в медиатеке сайта «Выдающиеся люди Вологодского края» Вологодской областной научной универсальной библиотеки

http://www.booksite.ru/lichnosty/index.php?action=person_page&pid=230&cid=19

НА ЛАДОНИ
ВРЕМЕНИ
сборник

2016

УДК 821.161.1(470.12)-1
ББК 83.3(2=Рус)6-8Сопин
Н12

Н12 **На ладони времени:** [памяти М. Н. Сопина / ред. Т. Сопина]. – Вологда : Киселев А.В., 2016 – 115 с.

ISBN 978-5-902579-87-8

В 2016-ом году исполнится семьдесят пять лет со дня рождения поэта Михаила Николаевича Сопина. ...К сожалению, серьёзных развёрнутых рецензий на его творчество в печати не появилось. Но люди писали. Преимущественно в Интернете. Глубокая благодарность всем, кому оказалось близко творчество поэта, кто откликнулся! Вот на них я и решила опереться в сборнике, который назвала «На ладони времени».

УДК 821.161.1(470.12)-1
ББК 83.3(2=Рус)6-8Сопин

ISBN 978-5-902579-87-8

© Сопина Т.П., 2016

© Оформление. ИП Киселев, 2016

В 2016-ом году исполнится восемьдесят пять лет со дня рождения поэта Михаила Николаевича Сопина. У нас принято вспоминать об ушедших и живых в «круглые» даты. И вот я думаю: как бы Миша отнёсся к своему очередному юбилею? Наверняка сказал бы: «Только без банкетов. Лучше пусть издадут сборник».

Так было в 2001-ом году, и, идя навстречу пожеланиям автора, силами Вологодского отделения Союза писателей России в серии «Вологда – XXI век» была издана брошюра «Свобода – тягостная ноша». Через десять лет – при поддержке Департамента культуры и охраны объектов культурного наследия Вологодской области – вышел сборник «Спелый дождь. Поэтическая биография» (на основе книги «Пока живёшь, душа, люби!..», вышедшей в Чикаго в 2006-ом году).

В 2014-ом Вологодское отделение Союза российских писателей провело Международный литературный конкурс памяти поэта М.Н. Сопина. Вологодская универсальная областная научная библиотека в медиатеке «Выдающиеся люди Вологодского края» создала персональную страницу Михаила Николаевича. Я выпустила давно задуманную книгу «Вмерзая памятью» (Михаил Сопин. Мысли. Афоризмы. Краткостишия).

К сожалению, серьёзных развёрнутых рецензий на книгу «Спелый дождь» в печати не появилось. Но люди писали. Преимущественно в Интернете. Глубокая благодарность всем, кому оказалось близко творчество поэта, кто откликнулся!

Вот на них я и решила опереться в сборнике, который назвала «На ладони времени». У книги есть недостаток. Поскольку это не было проектом, а каждый писал, как подсказала душа (не зная, что пишут другие), в публикациях есть повторы. Однако каждая несёт что-то своё, и, уважая авторское право, я ничего не стала в них изменять. Если моё начинание будет иметь продолжение, очень хотелось

бы, чтобы авторы шли вглубь. Не повторяли бы факты биографии, которая действительно поражает, а обратились к исследованию отдельных сторон творчества поэта.

Татьяна Сопина, *вдова поэта (Вологда)*

Татьяна Андреева (Вологда)

О ЖИЗНИ, ЧТО ЛЮБИЛ ДО СЛЁЗ...

Бывает, живёшь с человеком в одном городе, ходишь с ним по одним улицам, видишь одно и то же небо, одни и те же храмы, читаешь те же книги, имеешь много общих знакомых и никогда не пересеёшься, не встретишься с ним. Лишь годы спустя, когда его уже и на свете нет, вдруг обнаружишь, что рядом, на расстоянии протянутой руки жил настоящий поэт, философ, человек недюжинного ума и редкого природного таланта. Человек, который, по отпущенному ему судьбой времени, событийно совпал со всеми болевыми точками двадцатого века: голодомором и репрессиями тридцатых, Великой Отечественной войной, послевоенной разрухой, Гулагом и – как итог – крахом великой страны... Испил чашу невероятных страданий, которых хватило бы не на одну человеческую судьбу. Боль и унижения, которые перенёс поэт, стали источником его творчества, вылились в стихи:

То в пламень чувств,
То в стылый веря разум,
Юродствуя,
Сметая алтари,
Стремясь со злом –
В себе! –
Покончить разом,
Мы столько бед
Успели натворить!

Михаил Николаевич Сопин – поэт с большой буквы. Однако его не оценили в своё время и не поняли. Думаю, это произошло потому, что по своему размаху, силе выстраданного слова, чувств и мыслей он не помещался в рамки тогдашнего представления о поэзии и поэтах. И верю, что признание придёт к нему позже, когда произойдёт переоценка всего российского двадцатого века, его истории и культуры. Тогда найдётся место Сопину среди поэтов-современников.

С лёгкой руки и по рекомендации Вадима Кожинова, маститого советского литературоведа и критика, Михаил Николаевич переехал с семьёй из Перми, где его стихи почти не печатались, в Вологду. В нашем городе он был приветливо принят местной писательской организацией, здесь в 1985-ом году вышел первый сборник «Предвестный свет», а потом и многие другие произведения. Но настоящую известность поэзия Сопина приобрела в так называемых нулевых годах – когда стихи попали в мировую компьютерную сеть. Его узнал и принял мир. Самая значительная книга, написанная в соавторстве с Татьяной Сопиной, «Пока живёшь, душа, люби!..», была издана посмертно в 2006-ом году в Америке. А впервые в России дополненный и переработанный вариант книги вышел под названием «Спелый дождь» (Поэтическая биография) в Вологде – к восьмидесятилетию со дня рождения поэта, в 2011-ом. Она привлекла к творчеству поэта многих, и, надеюсь, с неё начнётся серьёзное изучение наследия. Вполне осознавая значение Михаила Сопина для нашей культуры, выходу книги способствовала творческая интеллигенция, общественные организации города и области, правительство Вологодской области.

В книге мы находим стихи, которые показывают истинный уровень творчества Михаила Николаевича. В отличие от многих, он мыслит в масштабах страны, мира, вечности. Почти космически звучат стихи, когда, предвидя скорый уход, он пишет:

И будет дождь.
И ветер –
Лют, отчаян!
Увижу жизнь,
Как чей-то
Свет в окне.
И навсегда
С былым
Своим прощаясь,
Прощу я тех,
Что не прощали мне.
И будет ночь –
Безбрежная,
Как вечность.
И встану я
У краешка в ночи.
Через обрыв
Печалью человеческой
Мне
Дальний голос
Предков
Прокричит.
Осенней ночью
Тоненькой струною
Порвётся жизнь.
Душа моя
Сгорит
И полетит
Над миром и страной
Печальным светом,
Как метеорит.

Личности Михаила Сопина, огромной и тяжкой судьбе, стоящей за его плечами, было тесно в небольшой провинциальной Вологде. Я очень люблю свой город, но знаю и такие его черты, как консерватизм, инертность, неповоротливость физическую и умственную. Не-

даром, приехав в Вологду, поэт долго присматривался к городу, искал в нём точки опоры, находя их поначалу лишь в старине:

Лики храмов бревенчатых,
Слушайте голос заутрени –
Возвратилась душа моя
К вам на последний поклон.

Эту инертность среды можно преодолеть только ценой невероятных усилий, положив на борьбу с нею всю жизнь и здоровье, а этого у Михаила Сопина как раз не было, да он и не собирался ни с кем бороться. Жизнь и здоровье у него отняли война и государственная машина, а не Родина. Его поэзия – это всегда разговор с Родиной о своей судьбе и о своих современниках:

Гляди, душа –
В снежинках млечных лица,
Они во сне
Врачуют сны людей:
Богатым – рай,
Голодным – пища снится,
Толпе – волхвы,
Ущербным – блуд идей...
Такие мысли
На странице белой.
Пока пуста –
Ни света в ней, ни тьмы.
Убийц к ответу звать –
Пустое дело.
Всё в нас самих.
Россия – это мы.

Разговор сложный, нелицеприятный, откровенный, прямой, вызывавший страх и неприятие у тех, от кого зависело, печатать стихи Михаила Сопина или не печатать, писать о его поэзии или не писать. Многие годы поэт не получал достойного отклика на свою работу.

Стихи Михаила Сопина открыли мне, что он – человек без кожи, сплошная кровоточащая рана. Они укор нам всем за то, что мы жили в таких условиях, в которых жить нельзя, терпели то, что терпеть нельзя. До сих пор молчим, не думаем, не видим и не слышим. Наверное, это ещё одна причина, по которой его замалчивали. Кто же захочет признаваться в своей трусости и несостоятельности. Ах, «премудрые» мы «пескари»! Прячемся по норкам, а потом жалуемся, что всё вокруг не так и не то. А Михаил Сопин кричал от боли за себя и за нас:

В мире президентов и бомжей,
Прочных вилл
И хрупких этажей,
В мире полуночной тишины
Ветер
Необъявленной
Войны...

Михаил Сопин считал, что основной признак поэзии состоит в способности лечить. Сказал – избыл внутренний груз. Он врачевал стихами свою душу и наши души. Врачевал, наращивая новую кожу из горьких слов, метких строк и стихов, бьющих по щекам. А мы не поняли, что это горькое лекарство лечит, а не только будоражит душу и не даёт ей покоя. Кроме этой новой кожи, он создавал что-то ещё – нематериальное, неосязаемое, что соединяет нас сегодняшних с ним и друг с другом. Это что-то воспринимается нами на уровне искусства и культуры, на уровне экологии человека, в которой он только и может жить. Поэтому Сопин, большой русский поэт, может быть причислен к сонму поэтов, писателей и учёных, которые своим созидательным трудом защищают и сохраняют нашу Родину, как национальную целостность. Я горжусь, что жила в одно время с Поэтом.

Алина Беляева (Белгород – Санкт-Петербург)

В СВЕТЕ ИДЕЙ Д.С. ЛИХАЧЁВА

В огромной, разрозненной, часто неопрятной свалке – сети Интернета я однажды натолкнулась на строчки:

В этом трепетном мире,
По сути своей, не жестоком,
Осеню признанием
Травинки, пичужек, зверье.
Всех живущих прошу,
На все три стороны от востока:
Защитите Любовь!
Иль распните меня за неё!

Стихи «цепляли», захотелось прочесть ещё раз, потом возник естественный вопрос: кто это написал? Кто так пылко призывает защищать величайшее на земле чувство – любовь, и кто готов быть за неё распятым? Интернет открыл мне имя Михаила Сопина.

Я взяла эпиграфом к своей работе слова Дмитрия Сергеевича Лихачёва: «Слово, язык помогают нам видеть, замечать и понимать то, что мы без него не увидели бы и не поняли, открывают человеку окружающий мир», – потому что целью моей работы является желание открыть смысл поэтического слова в творчестве Михаила Сопина. Незвестного широкому кругу читателей, но одного из самых ярких и самобытных поэтов второй половины XX века.

Михаил Николаевич Сопин родился 12 августа 1931-го в селе Ломное Грайворонского района Курской (ныне Белгородской) об-

ласти. Десятилетним мальчишкой пережил немецкую оккупацию в своём селе, по которому проходил фронт Курской битвы. Посильно оказывал помощь солдатам, выходящим из окружения в 1941-42-ом. Принимал участие в боях армии генерала К. Москаленко. Дошёл до Потсдама.

Дмитрий Сергеевич обращал наше внимание на «общую схему», по которой изучаются искусство и культура в целом. По этой схеме существуют «творец» (автор) и – «потребитель», получатель информации. При этом очень важно «сотворчество воспринимающего, без которого теряет своё значение и само творчество». Я понимаю это так: если стихи задевают хоть кого-то, их стоит печатать и читать.

Дмитрий Сергеевич при изучении литературного произведения призывал, прежде всего, понять, кто написал это произведение: «Нет текста вне его создателей, как и нет литературы вне писателей, – утверждал Д.С. Лихачёв. – Надо вообразить себе за текстом и за его изменениями человека, который этот текст создал... **Текстология имеет дело, прежде всего, с человеком, стоящим за текстом...** Когда крупный поэт пишет о чём-либо, важно не только, что он пишет и как, но и то, что пишет именно он...».

Следуя этому принципу историзма, я и изучала творческую биографию Михаила Сопина. Я постаралась «заглянуть через плечо» автора, как советовал Дмитрий Сергеевич. Исходным пунктом, точкой отсчёта для моего понимания художественного содержания творчества поэта стал очерк Петра (сына) и Татьяны (жены) Сопиных «Мальчик с Огненной дуги», в котором авторы попытались сопоставить стихи с историческими фактами и документами Великой Отечественной войны. А конкретнее, с теми событиями, которые происходили на Белгородчине во время наступления фашистов и оккупации, свидетелем которых был десятилетний мальчик Миша Сопин. Мне захотелось уточнить некоторые детали очерка, и я продолжила исследование.

Очень интересный материал удалось получить, проехав по местам, о которых упоминает в своих стихах Сопин. Это сёла в Грайворонском районе Белгородской области: Головчино, Ломное, Тополи.

Рассказы местных жителей помогли найти место, где стоял дом, в котором жил у своей бабушки маленький Миша, понять смысл многих художественных деталей, которые встречаются в стихах. Большой находкой для меня и наших краеведов стал доклад генерала И.Н. Руссианова о выходе из окружения 1-й гвардейской дивизии в октябре 1941-го года в районе деревни, где жил Миша Сопин.

Стали понятны строки довольно известного стихотворения:

За сто шагов до поворота,
Где Ворскла делает дугу,
Далёкой осенью пехота
С землёй смешалась на бегу.
И стала тихой и спокойной,
Уйдя в прилужья и поля
Сырой земли
С преградой водной
У деревеньки Тополя.

Я прошла эти сто шагов до поворота реки Ворсклы, где погибли сотни солдат 1-й гвардейской дивизии. Мы в нашем школьном клубе «Патриот» будем добиваться увековечивания их памяти.

В апреле 2010-го я познакомилась через сайт «Стихи.ру» с вдовой поэта Татьяной Петровной Сопиной. В ноябре того же года я побывала в Вологде. Татьяна Петровна передала мне копии бесценных фотографий и документов из семейного архива, официально опубликованные, и самиздатовские сборники стихов поэта. В Вологде я встретилась с друзьями и поклонниками творчества Михаила Сопина.

Так случилось, что после войны Михаил Сопин беспризорничал в Харькове, а затем семнадцать лет отсидел в сталинских лагерях. В лагере Михаил заочно закончил десять классов. Первые стихи написаны тоже в лагере. Там же, по переписке, он познакомился с будущей женой – журналисткой Татьяной Продан. В 1970-ом году был освобождён и переехал жить в Пермь.

Писать стихи было его жизненной потребностью. После десяти лет безуспешных попыток найти понимание в Перми и центральных

изданиях он обратился к писателю Виктору Астафьеву и литературному критику Вадиму Кожину. И от обоих получил поддержку. По совету В. Кожина в 1984-ом году Михаил Сопин с семьёй переезжает в Вологду, где его творчество было замечено местной писательской организацией. Небольшими тиражами выходят сборники стихов. В 2001-ом году у Сопина появилась возможность выхода в Интернет. Его стихи буквально взорвали «всемирную паутину». Сопина стали читать в России и за границей.

11 мая 2004-го Михаил Николаевич Сопин скончался. Похоронен в Вологде. За прошедшие с тех пор годы интерес к поэту не только не угасает, но расширяется. В честь восьмидесятилетнего юбилея Михаила Сопина в октябре 2011-го года в Вологде издана книга «Спелый дождь», которая является наиболее полной творческой биографией поэта. Огромную ценность ей придают комментарии Татьяны Сопиной.

Михаил Сопин не просто разделил судьбу своего поколения, он сумел выразить её в пронзительных и мощных поэтических строках... Но в своих размышлениях он идёт дальше, к осмыслению общечеловеческой сущности:

С тех пор, как был распят Христос,
Войной шла милость на немилость.
Так много крови пролилось,
Чтоб ничего не изменилось...

В душе поэта шла постоянная борьба. Он был самоучкой и писал больше по интуиции. О творческом поиске Д.С. Лихачёв пишет так: «В поэзии материал – это слово. Поэзия борется со словом, с его тяжестью... Во имя чего ведётся эта борьба с материалом? Художник вскрывает, обнаруживает, «выращивает» в материальном духовность. Он одухотворяет материал».

Форма и содержание объединяются. Так рождается художественный мир произведения. Так рождался и художественный мир поэзии Михаила Сопина, в котором герой-одиночка страдает, мучается, ненавидит и до нестерпимой боли любит жизнь, оплакивает души своих искалеченных сверстников и с невероятным усилием пытается по-

рвать паутину наших заблуждений и предрассудков, чтобы вырваться самому и вывести нас из замкнутого круга проблем и несчастий.

Дмитрий Сергеевич писал: «Когда человек сознательно или интуитивно выбирает себе в жизни какую-то цель, жизненную задачу, он вместе с тем невольно даёт себе оценку...». Михаил Сопин и себе, и своей жизни даёт жёсткую оценку. Это хорошо прослеживается в его письмах из зоны. Строчки писем – это «болевые раздумья» о времени, о себе, о жизни, которая «волочила-колотила на изгиб и на излом».

Он переосмысливал свою жизнь и пытался рассказать о ней честно и жёстко, предлагая её, как урок для будущих поколений. Он верил, что в его родной стране люди когда-нибудь перестанут бояться, подозревать друг друга, и наступит «эпоха разума и справедливости». Большинство стихов Михаила Сопина написаны от первого лица.

Главной темой его творчества всегда была Родина, Россия. Его поэзия – это разговор с Родиной. Основа дискуссии – жизнь поэта и тех, кто оказался на краю пропасти. Стихи Михаила Сопина читать нелегко, порой просто невыносимо, столько в них боли, душевной муки и неизбывного горя. Но, читая их через призму идей и научных трудов Д.С. Лихачёва, я открыла для себя художественный мир автора, для которого высшей ценностью является **свобода духа**.

Художественный мир Михаила Сопина – это его «родословная слёз» – «сизокрывающая птица памяти», он постоянно возвращается в детство, в свой «лиственный край», «в ту страну, что лежит за холмами», «где он верит другим и себе». Свою жизнь поэт не отделяет от Родины, от России. Поэтому Вселенная Сопина населена душами его сверстников, погибших на войне, душами униженных и раздавленных жизненными обстоятельствами.

Я ад прожил на свете этом,
А рай – оставим для святых.

Значит ли это, что мир Сопина – только ад, где постоянная тьма? Но нам-то зачем такой мир? Сопин хочет показать, что его судьба и поэзия – неразделимо, кровно – связаны. Сложное отношение М. Сопина к Родине помогают понять рассуждения Д.С. Лихачёва: «Наша любовь к Родине меньше всего походила на гордость Родиной, её по-

бедами и завоеваниями. Сейчас это многим трудно понять. Мы не пели патриотических песен – **мы плакали и молились**. Я хотел удержать в памяти Россию, как хотят удержать в памяти образ умирающей матери сидящие у её постели дети».

Такие же чувства испытывал и Михаил Сопин – **он плакал и молился** о своей многострадальной Родине. А спорил он с другой Россией, которая ассоциировалась у него с тогдашней властью и с теми, кто «прислуживал этой власти».

В мире президентов и бомжей,
Прочных вилл
И хрупких этажей,
В мире полуночной тишины
Ветер
Необъявленной
Войны...

Мир «хрупких этажей» Михаила Сопина вполне реален. Ведь это реальный мир. Мир, в котором живём мы с вами. История всегда не подарок. И Сопин утверждает, и в этом его жизненное кредо, смысл творчества:

Хочу, чтоб после нас осталось
Две капли боли, но не море лжи...

Дмитрий Сергеевич Лихачёв подчёркивает: «Мир художественного произведения – результат и верного отображения, и активного преобразования действительности». Когда поэт своим словом заденет какую-то струнку в душе читателя, мир начнёт меняться к лучшему.

Ни бег нас не спасёт, ни битва,
Ни триединство, ни чума.
В себе – алтарь.
В себе – молитва.
В себе – свобода и тюрьма.

Как заключительный аккорд – напоминание каждому человеку, что он сам для себя – тюрьма и свобода, палач и судья. Ад и гармония в душе каждого из нас.

Суждено ли нам выйти из круга
Нищих благ, планетарных потерь?
Суждено ли понять нам друг друга
Не когда-то потом,
А теперь?

Учение Дмитрия Сергеевича Лихачёва пронизано гуманизмом. Переживший смутные времена в двадцатые годы, пребывание в тюрьме и на Соловках, блокаду Ленинграда, Дмитрий Сергеевич во всех ситуациях оставался верным принципам чести и человеколюбия.

Михаил Сопин учился на собственных ошибках. Он жил тяжело и неровно, но всегда по совести. Дмитрий Сергеевич с грустью отмечал, что в перестроечные годы появилось очень много литературы «на продажу». Сопин всегда писал «от сердца», его не печатали, но он не мог не писать. Поэтическое слово для него было лекарством: «Сказал – избыл внутренний груз». Поэтому так искренне и призывно звучат его стихи:

Я из дебрей эпохи,
Из джунглей двадцатого века
По окопам и лагам
Горемычную правду свою
Приволок к тебе, молодость,
Веруя в честь человека,
Отдающего жизнь
Для других – в доброте и в бою.

К вам мой голос, потомки,
Сейчас, в лихорадочном спринте,
Всё по той же системе
Ведут словоблуды войну.

Продолжающих жизнь
Заклинаю:
Холопство отриньте,
Чтоб не мыкать сынам
Тягомотную нашу вину.

Читатель вправе следовать за поэтом, если настроен на его волну. Но может и не следовать. А вот попытаться объяснить себе, ради чего Сопин переливает свою судьбу в поэзию, наверное, должен. Одного желания тут мало, впрочем. Нужен опыт не столько поэтический, сколько знание жизни. Поэтому так важны для понимания творчества поэта мудрые наставления Дмитрия Сергеевича Лихачёва. В отрицании пороков, в его гневной отповеди беспамятству, другим искривлениям духовной жизни Сопин видит идеал человека.

И значение поэзии он видит, как и Д.С. Лихачёв, в том, что она способна помочь человеку сделать правильный выбор – при условии, если человек будет, живя, думать:

Всё в нас самих.
Россия – это мы!

Татьяна Беляева (Белгород)

ТРИ ПРАВДЫ О ПОЛИТРУКЕ

Из письма вдовы поэта Татьяны Сопиной:

«В первом сборнике Михаила Сопина «Предвестный свет», вышедшем в 1985-ом году, есть ныне забытое стихотворение «Письмо». После этого оно нигде не возникало ни разу, в том числе по воле автора. Почему? С одной стороны, полагаю, художественный уровень его не так уж высок, с другой... там речь о политруке. С некоторых пор писать об этой боевой единице стало дурным тоном, а если уж говорили, то ругательно. Но интересно произведение не литературной свежестью, а позицией автора. Поскольку стихотворение, всё равно, никто не знает, приведу его полностью.

ПИСЬМО

Скачут минные залпы
От холмов
До равнин,
На восток
И на запад –
На две стороны!
И дорога кровава.
И конь – на дыбы.
Это я пробиваюсь
Через поле судьбы.
Ни огня,
Ни пакета,
Я – тяжёлый мой час.

Я –
Как во поле этом
Окружённая часть.
И – себе подчинённый,
И себе – командир.
Боевые знамёна
Под бинтом на груди.
А разрывы всё ближе!
Убило коня.
Слышишь, Родина,
Слышишь, Россия,
Меня?!Дали отчие,
Верьте:
Всё короче тропа.
Ни бессмертья,
Ни смерти –
Я без вести пропал...

Тянет
Гибельным чадом,
Сводящим с ума.
В сердце
Пулей впечатан
Треугольник письма.
Ветер,
Чёрные хлопья...
И на этом ветру
Не зарытым
В окопе
Лежит политрук...

Но, вот, четверть века спустя стихотворение «Письмо» вспомнил литературный критик Андрей Смолин (Михаил Сопин: Очерк судьбы и творчества. – Вологда, – «Книжное наследие», – 2011). Вот как он комментирует:

«...Или политрук из стихотворения «Письмо». Тут такое дело: не удаётся сразу разгадать истинный смысл стихотворения. На первый взгляд, это письмо бывшего солдата-фронтовика своему политруку. Он рассказывает о своём подвиге: спасении знамени, но который не оценён, наверное, тем же политруком... И даже – Родиной! Политрук убит, больше некому рассказать о подвиге солдата. Наверное, вы поняли, что сюжет в таком виде донельзя упрощён...

А если прочитать по-другому? Например, как «письмо» в прошлое? В нём явный упрёк этому прошлому и даже политруку, который, конечно, призывал в бой, практически на верную погибель: «За Родину, за Сталина!». Бывший солдат подчинился этому призыву. Но когда он остался наедине с собой на «поле судьбы», никто и не вспоминает про его заслуги. Политрук-то убит, но остался не зарытым. Значит, снова зовёт, всё туда и туда же, то есть, на смерть, за того и того же... Можно так прочитать стихотворение Сопина? Вполне!».

С обеими трактовками я вполне согласна и благодарна критику, что он этот разговор поднял. Но возможен, мне кажется, и третий взгляд. Этот поэт тем и интересен, что его произведения можно рассматривать с нескольких точек зрения: «Обо мне будут говорить много и разное, и каждый раз это будет правда говорящего». Я привела опубликованный вариант «Письма». Но в первой редакции было четверостишие, впоследствии изменённое, и звучало оно так:

В селе Ломном,
У леса,
Где над копанкой пар,
Я погиб без известий,
А точнее, пропал...

То есть, абсолютно точно указывается место гибели героя, а что такое место существует – убедительно доказала исследователь творчества Михаила Сопина по Белгородскому краю Алина Беляева (копанка – рукотворная яма, резервуар для сбора чистой воды, принятая в тех местах терминология. Над копанкой пар – значит, было холодное время года...).

И время действия понятно: это сорок первый, отступающая Красная Армия. Это рядом с ними побежал десятилетний мальчик вдоль села. «Кому – в псари, кому – в цари», – он скажет о своих соотечественниках потом, а тогда: «Вы все в душе моей равны, от маршала до рядового...». В воспоминаниях Михаила Сопина мы читаем: «Между Ново-Борисовкой и Хотмыжском были двойные-тройные переходы наших и немецких войск. Подолгу лежали волдыреобразные тела советских солдат, подступы к Ломному были усеяны ими...». В стихах: «Жители, ходившие на стоны, / Псов голодных видели в лесу...».

Разумеется, никто их не зарывал. Незахороненных бойцов на Курской дуге, числившихся «без вести пропавшими», находили (и находят поныне!) в бывших траншеях, землянках, окопах, воронках от бомб и снарядов...

И снова вернёмся к опущенному четверостишию из «Письма»: «Я погиб без известий, а точнее, пропал...». Но что значило: «пропасть... без известий» – в те годы? Такие – автоматически попадали под подозрение. Это в семьях их могли ждать и верить, а для официоза... может, и предатели. И, если без вести пропадал политрук, он тоже попадал в их число (если не хуже – для семьи!).

И политруки бывали всякие. Да, они обязаны были поднимать народ в атаку, но и сами шли в бой. А в случае плена их расстреливали первыми.

Мне видится: боец, пробивающийся «через поле судьбы», и не зарытый политрук – одно и то же лицо. И ему теперь не защититься от наступающей агрессии тех, кому всё в настоящем и прошлом понятно и подсудно. Теперь – автоматически под подозрением любой политрук. Как же мы неизменны в своей психологии! Принято говорить: пока не похоронен последний солдат, война не кончена. К слову «солдат» придирааться не будем. Просто воин. И он хочет справедливости – если не при жизни, то хотя бы посмертно.

Андрей Смолин рассматривает творчество Михаила Сопина, как бесконечную цепь тяжёлых исторических снов: «Други, недруги – сон наяву. / Сновидений мне больше не надо...». Это поэту не надо сновидений.

дений. А в жизни: «И длится, и длится, и длится /России клинический сон...» (из стихотворения конца девяностых). Длится и поныне.

...Вопрос серьёзный, и хорошо бы провести по этому поводу исследование. Мы думаем, что всё, что видел в октябре-ноябре 1941-го года в Ломном Миша Сопин, связано с 1-й гвардейской дивизией генерала И.Н. Руссиянова. В своём докладе командующему 21-й армии о боевых действиях 1-й гвардейской стрелковой дивизии [за период] с 14 по 27 октября 1941-го года И.Н. Руссиянов пишет:

«...С наступлением темноты 19.10.41 г. по лесной тропе через горы 1 км северо-западнее высоты 187.0 прошли повозки тылов 4-го и 355-го стрелковых полков и, спустившись в Ломная, проследовали на Хотмыжск. Одновременно преодолела эти высоты 1-я батарея 34-го артиллерийского полка на механизированной тяге и сосредоточилась [в] Ломная. Как установлено позже, к этому же времени на северной окраине Ломная до двух рот пехоты немцев расположились на ночлег.

На рассвете 20.10.41 г. между 1-й батареей 34-го артиллерийского полка и противником завязался бой. Имея численное превосходство и хорошо оснащенные автоматами и минометами, немцы, уничтожив значительную часть орудий и расчетов, в том числе и командного состава артиллеристов, овладели Ломная.

Остатки личного состава батареи, испортив материальную часть, отошли на Хотмыжск и вынесли из боя тяжело раненного комиссара 34-го артиллерийского полка, старшего батальонного комиссара тов. Лобенко» (Комиссар – политрук?!). В ночь на 20.10.41г. мною через офицера связи было приказано... пробраться через Ломная и, нагнав 85-й стрелковый полк, поставить ему задачу... обеспечить выход частей из окружения. Из-за дождей дороги раскисли, и единственной тягловой силой был гужевой транспорт, то есть лошади. Начальник штаба достиг Ломная в разгар боя утром 20.10.41г., где у него были убиты повозочный и лошадь».

Исходя из этих и других документов, видно, что бои, с которыми отходили наши войска через Ломное, были страшными. В июне 2010-го года мне с дочкой удалось посетить село Ломное и встретиться со свидетелем боёв В.П. Долгарёвым, которому в то время было четыр-

надцать лет. Он рассказывал, что немецкие колонны шли по шоссе, а наши вязли в грязи, и немцы их сверху расстреливали. Однако частично дивизии удалось выйти через Головчанский лес, сохранить знамя. Через год ей за бои под Ельней было присвоено звание Первой Гвардейской.

Эти бои навсегда остались в памяти десятилетнего мальчишки Миши Сопина, которая так и «не вышла из боя».

Стихотворение написано в том же стиле, который характерен для военной лирики Сопина – это обращение к своему военному детству и оценка состояния общества, как постоянной борьбы-войны Поэта и Действительности. Исходя из того, что Михаил Сопин писал стихи автобиографичные, здесь главный герой – тоже он сам: «Это я пробиваюсь через поле судьбы». «Поле судьбы» поэта изрыто душевными взрывами и переживаниями, душа изранена ударами судьбы. В душе нет уже огонька жизни, и не существует «индпакета», то есть, никакого средства, чтобы перевязать душевные раны: «Ни огня, ни пакета в тяжёлый мой час». Строчками «Я как во поле этом окружённая часть» поэт сравнивает свою жизнь с теми частями нашей армии, которые попали в окружение осенью 41-го года в районе деревни Ломное и которые боролись из последних сил, чтобы выйти из этого окружения.

В образ «Политрука» Сопин, возможно, вложил ту самую идеологическую машину, которая тоже погибла, погубив многих. А солдат-поэт, спасая знамя – символ Родины, не обвиняет. Я слышу сострадание и к нему, политруку, тоже. Поэт уже предчувствует тяжёлые перемены в 1985-м году: «Тянет гибельным чадом, сводящим с ума», но он знает, что забыть ничего нельзя, и его стихотворение-письмо – напоминание потомкам: «В сердце пулей впечатан треугольник письма». И «боевые знамёна под бинтом на груди», у самого сердца, и «не зарытый в землю политрук» не дают покоя поэту. Он хочет сказать всем нам: «Слышишь, Родина, слышишь, Россия, ничего нельзя забывать». Всё стихотворение пронизано мотивом сострадания к родной земле, символом которой для него является родное село Ломное, и горечью от невозможности быть услышанным: «Ни бессмертья, /Ни смерти –/Я без вести пропал».

Во всех своих стихах он, как к самому святому, будет обращаться
памятью к солдатам сорок первого:

И я броском –
Назад от даты,
Туда,
Сквозь грязь,
По гужевым,
Где примут исповедь
Солдаты
И нарекут
Меня
Живым.

...Михаил Николаевич Сопин – не пропавший без вести поэт.
Его нет в живых, но он с нами. Стихами, которые он оставил для нас,
благодарными и вдумчивыми откликами читателей, своей верой в то,
что когда-то мы научимся жить и думать, жить и помнить всё.

Элеонора Жукова (Вологда)

КОГДА ЛЮБИТЬ СМЕШНО...

С творчеством Михаила Николаевича Сопина я познакомилась случайно, в возрасте, как сказал поэт, «когда любить смешно». Не знаю, до какого возраста считается приличным увлекаться и влюбляться. Но стихи Михаила ошеломили и покорили меня навсегда. И неважно, о чём стихи – о голоде, войне, Родине, большой и малой... Не люблю так называемые «патриотические» стихи – часто кажутся притворными клятвенные признания Отчизне. А словам Сопина верю безоговорочно, каждому его слову: «Когда последней искрой за плечами /Угаснет свет, /Во мглу свернёт тропа, /Страна моя, /Любовью и печалью /Я был убит. /Лишь в сводку не попал».

Вернуться б, вернуться,
Молвы б разминировать поле!
Не надо. Не стоит.
Слепцы, мне плевать на ваш суд.
Живёт моя Родина,
В сердце моём её доля.
И ветры всепамятъя
В мир мои крылья несут.

Считается – для того, чтобы понять, глубоко почувствовать – надо испытать, пережить то же самое. У меня другая судьба. Но сила таланта поэта такова, что мне то тревожно, то больно и холодно от его стихов.

И поле ржаное,
И звёзды над полем,
И в пламени ветер –
Живое-живое,
От боли, от боли
Всё плачет на свете.
Снега, и ненастья,
И дождик не частый...

Мне трудно читать о сложной, трагической судьбе Михаила Николаевича. Это можно сравнить с посещением близкого, дорогого человека, безнадежно больного, когда помочь ему невозможно. Больно его видеть, а расставаться ещё больней. Вот и я возвращаюсь к стихам поэта снова и снова. Очарована его лирическими строками, которые вне времени.

Клонит ветер хлеба за рекою.
Чуткий ветер, такой голубой.
Не лишай меня, жизнь, непокоя,
У которого имя –
Любовь.
У которого радость –
Разлуки!
У которого речь –
Камыши.
И листвой по октябрьской излучке
Гонит долгую горечь души...

Можно цитировать бесконечно. Вслушайтесь: «...Мысли, чувства – как летние саженцы /В оглушающе зимнем саду». Завидую тем, кто впервые соприкоснётся с творчеством поэта Михаила Сопина. В заключение одно из моих любимых стихотворений:

•••
•••

Когда в груди свернётся маета,
Как старый пёс,
Когда вокруг морозно,
До стога жаль
Прошедшие лета,
И боль за всё,
Что переделать поздно:
«Не всё ещё, – шепчу я, –
Сожжено.
Мне очень одиноко.
Очень стыло.
Я в той поре –
Когда любить смешно,
Желать – грешно!
А не любить – нет силы!».

Молчу – не лгу.
И не молчу – не лгу:
Беспомощная, жалкая, слепая,
Стоит душа босая на снегу.
Едва дыша,
Едва переступая,
Глядит в глаза с надеждой и стыдом.
Но никого, хотя бы в чём-то, схожих...
И в синюю прозрачную ладонь
Слетает снег
С воротников прохожих.

Захар («Проза.ру»)

РЕАЛИСТИЧЕСКИЙ СИМВОЛИСТ ИЛИ СИМВОЛИСТИЧЕСКИЙ РЕАЛИСТ?

Итак, вопрос задан. Удастся ли на него ответить? И прежде, чем изложить свой взгляд на творчество Михаила Сопина, приведу несколько выдержек из теории поэзии, касающихся указанных определений.

В «Манифесте символистов» Ж. Морэас определял природу символа, который вытеснял традиционный художественный образ и становился основным материалом символистской поэзии: «Символистская поэзия ищет способа облачить идею в чувственную форму, которая не была бы самодостаточной, но при этом, служа выражению ИДЕИ, сохраняла бы свою индивидуальность». Подобная «чувственная форма», в которую облачается ИДЕЯ – символ.

«Четыре лирических стиха могут быть прекраснее и правдивее целой серии грандиозных романов» (Д.С. Мережковский «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы»).

«Мысль изречённая есть ложь». В поэзии то, что не сказано и мерцает сквозь красоту символа, действует сильнее на сердце, чем то, что выражено словами. Символизм делает самый стиль, самое художественное вещество поэзии одухотворённым, прозрачным, насквозь просвечивающим, как тонкие стенки алебастровой амфоры, в которой зажжено пламя.

«Реалисты всегда являются простыми наблюдателями, символисты – всегда мыслители» (К. Бальмонт «Элементарные слова о символической поэзии»).

Основные черты символической поэзии: она говорит своим особым языком, и этот язык богат интонациями; подобно музыке и

живописи, она возбуждает в душе сложное настроение, более, чем другой род поэзии, трогает наши слуховые и зрительные впечатления, заставляет читателя пройти обратный путь творчества: поэт, создавая своё символическое произведение, от абстрактного идёт к конкретному, от идеи к образу, тот, кто знакомится с его произведениями, восходит от картины к душе её, от непосредственных образов, прекрасных в своем самостоятельном существовании, к скрытой в них духовной идеальности, придающей им двойную силу. Символизм – могучая сила, стремящаяся угадать новые сочетания мыслей, красок и звуков и нередко угадывающая их с неотразимой убедительностью.

«Искусство есть постижение мира иными, не рассудочными путями. Искусство – то, что в других областях мы называем откровением. Создания искусства – это приотворённые двери в Вечность» (В. Брюсов «Ключи тайн»).

Искусство только там, где дерзновение за грань, где прорыв за пределы познаваемого, в жажде зачерпнуть хоть каплю стихии чуждой, запредельной. Предметный образ и глубинный смысл в символе являются двумя полюсами, немислимыми один без другого (ибо смысл вне образа не проявляется, а образ вне смысла рассыпается на свои компоненты). Переходя в символ, образ становится прозрачным; символ просвечивает сквозь него, будучи дан именно как смысловая глубина, смысловая перспектива. Смысловая структура символа многослойна и рассчитана на активную внутреннюю работу воспринимающего. Символизм всегда мыслился не только как художественный метод, но и как путь жизни, житнетворчество, дело спасительного общекультурного созидания, призванного преодолеть заземлённость, исторический разрыв между людьми, то есть, экзистенцию, пропасть между художником и народом.

Различие между реалистическим и символическим искусством было подчёркнуто в статье К. Бальмонта «Элементарные слова о символической поэзии». Реализм изживает себя, сознание реалистов не идёт дальше рамок земной жизни, «реалисты схвачены, как прибором, конкретной жизнью».

Слово «реализм» витало вокруг рассуждений о символизме в качестве надёжной гарантии выхода из кризиса, как утверждение на-

сущности его жизненных смыслов. Но, конечно же, терминологической строгости и единства оно в себе не несло, и «верность жизни» понималась каждым раз по-своему.

Реализм (от позднелатинского *realis*) – вещественный, действительный. Признаки реализма: 1. Художник изображает жизнь в образах, соответствующих сути явлений самой жизни. 2. Литература в реализме является средством познания человеком себя и окружающего мира. 3. Познание действительности идёт при помощи образов, создаваемых посредством типизации фактов действительности (типические характеры в типической обстановке). Типизация характеров в реализме осуществляется через «правдивость деталей» в «конкретностях» условий бытия персонажей.

Обострённый социально-критический пафос – одна из основных отличительных черт русского реализма. Анненский, хорошо ощущавший опасность «реализма», как термина, скомпрометированного досимволистскими попытками поставить поэзию на «службу» жизни (отсюда его презрительное определение – «служилое слово», работающее в позитивистских художественных системах), обращается с ним очень осторожно («Книга отражений»). Реализм, как требование насущности поэтического творчества, был связан в его сознании, прежде всего, с необходимостью развоплотить эзотерические шифры символистского языка, условно говоря, направления, но сделать это, не переводя поэтику символического письма в неореализм. Открытия Анненского, связанные с установкой на «будничное» слово, как на самое «загадочное» и «страшное», утверждали реальность психологического переживания. Это было насыщение лирического высказывания небывалой в контексте символизма эмоциональной достоверностью, то есть, другая поэтическая метафизика, а не её отсутствие. Анненский видел отличие поэтического словосочетания от обыденного в том, что «за ним чувствуется мистическая жизнь слов, давняя и многообразная».

В произведениях М. Сопина просто невозможно отделить реализм от символизма – настолько они переплетены друг с другом, вплавлены друг в друга. Они – не исторически сложившиеся антагонисты, а органически дополняющие и дающие дополнительную

силу и выразительность друг другу. Многим отрывкам из его стихов можно посвятить многостраничные исследования – настолько они неоднозначны, при всей своей кажущейся простоте и правдивости:

Если выйти в поле,
То будет слышно,
Как летит над ним
Молчанье душ,
Запекшихся от боли.

Сколько здесь трагичного реализма! Но, и какой образ! А вот здесь:

Ранний свет,
Глубинный свет печали –
Молчаливый призрак наших лиц.
Мы ещё своё не открычали.
Мы ещё своих не дозвоались.

Или:

Страшась отцовского клейма,
Пойдут сыны без биографий.
От сына отречётся мать,
Ибо отрекшийся потрафил:
Рассёк связующую нить.
Ни общей доли нет, ни боли.
Кого отрешимся винить
За четвертованную долю?

Уже сегодняшнему поколению, народившемуся после «эпохи развитого социализма», каждый такой отрывок нужно расшифровывать с помощью объёмного исторического экскурса с обязательным объяснением морально-этических норм того времени.

Память, память...
Стар я, болен?
Как я нынче одинок!
Тянет сердце возвратиться
В мир иллюзий на денёк.
Нет, не плачу я, не плачу...
Это там, в груди, в глуши
Одинок стонет кляча
Дико загнанной души.

Каждый творец на своём жизненном пути время от времени останавливается, оглядывается назад и подводит итоги. Как в этом стихотворении Сопин образно и точно говорит о сиюминутном состоянии своей души! А о России? Из его отрывков можно составлять летопись целого пласта истории страны:

Хоругви вьюг метут косые,
Переливаются, шуршат,
Бинтуя в путь стопы босые
Лишённых жизни малышат.
Энтузиазм умалишённых
Натаскивает капюшоны
На церкви, пашни, на кресты...

Между вождизмом и рабизмом
Век движется на костылях,
Раскачиваясь, как сосуд,
Расплескивая сладость яда.
Кто там припомнил Божий суд?
Не надо, Родина. Не надо.

Ну, как тут не вспомнить блоковских «Двенадцать»:

Так идут державным шагом –
Позади – голодный пёс,
Впереди – с кровавым флагом,
И за вьюгой невидим,
И от пули невредим,
Нежной поступью надвьюжной,
Снежной россыпью жемчужной,
В белом венчике из роз –
Впереди – Иисус Христос.

Александр Блок

Применяемые Сопиным символы подкупают своей простотой и зримостью, а потому они понятны. И через них тогдашняя реальность обретает особую контрастность. Гадать, чего здесь больше – реализма или символизма – пустое дело. Помните окуджавское?

Каждый пишет, как он слышит.
Каждый слышит, как он дышит.
Как он дышит, так и пишет,
Не стараясь угодить...
Так природа захотела.
Почему?
Не наше дело.
Для чего?
Не нам судить.

Булат Окуджава

Мог ли Сопин писать по-другому? Скорее всего, нет. И снова Блок: «...Утверждение Гумилёва, что «слово должно значить только то, что оно значит», как утверждение, глупо, но понятно психологически» (А. Блок, дневник, 1912г.). Произведения Сопина несут колоссальную психологическую нагрузку. Это сплошной надрыв, творение на пределе. А может, уже и за пределом. Поэтому неудивительна порой встречающаяся опустошённость, выплеск:

Думы... Они никогда не покидают меня,
Даже тогда, когда я бездумно гляжу вдаль,
Они бегут и бегут, как по камням речная вода.

Или:

Я прожил, как во сне.
Я уйду, словно снег.
Так уходят ручьи
Вешним полем, ничьи...

И снова образы и символы. И снова реальность такая, что дух захватывает! Так кто же Михаил Сопин – реалистический символист или символистический реалист?

Татьяна Ковалькова (Охупкина) (С.-Петербург)

**СОСТРАДАНИЕ, «БЛАГОУТРОБИЕ»
ПОЭЗИИ МИХАИЛА СОПИНА**

Михаил Николаевич Сопин – поэт трагедии в исконном, античном понимании. Обычно муза трагедии Мельпомена изображается с трагической маской в одной руке и палицей или мечом – в другой. Меч – как символ неотвратимости наказания за нарушение воли Богов, или в более широком смысле – законов бытия, а маска – обобщённый образ страдания. Это его муза.

«Своим, земным, живым поющим братьям я улыбнусь незрячей болью слёз...»

О Сопине на языке социальной истории: всё его творчество обусловлено рождением накануне самой кровавой в истории человечества войны, которую он увидел и переживал десятилетним ребёнком, оставшимся без защиты взрослых. Но и после войны для тысяч сирот, как он, родина оказалась злой мачехой. Тюремные сроки по десять, пятнадцать лет получали и за хранения оружия, которого было не счесть, и за мешок зерна в голодную пору. Он стал голосом тех, кто не должен был выжить.

Я –
Зыбкость сугробов,
Накат раскалённой волны.
Я – детская обувь
На мёртвых дорогах войны.

Я – стон измождённых
В застенках,
В рудничной пыли.
Я – вопль не рождённых
В раздавленном
Чреве
Земли.

О Сопине на языке метафизики: личный опыт страдания в его поэзии преодолевается. Онтологическое одиночество, понятое лишь через опыт смерти, освобождает душу, делает её зрячей. Сопин имел эсхилловский опыт умирания и воскресения, поэтому его поэзия чиста, как родниковая вода. В неё не страшно окунуться, ибо это вода живая. Она – производная от исполненного нравственного закона.

Вода, вода...
Гляжу в тебя,
Гляжу до головокруженья,
И забываю счёт годам
От сопричастности к движенью.
Как будто я тебе сродни,
Но до поры очеловечен.
Как будто бы я сам родник,
Из этой вечности возник,
По ней иду,
И путь мой вечен.

Он как будто заглянул за предел нравственного совершенства, увидел там образ совершенного Человека и сравнил с собой. Поэтому так часто в его стихах звучит тема прощения: он просит прощения у людей, земли, всякой твари.

Частыми являются и обращения к душе своей: «Не вой, душа. Начнём с начала...», «Душа, душа, ты – почта полевая, со всей России боль к тебе идёт...», «Пока живёшь, душа, люби – холмы в пути или равнина. Ты не могла хранить обид, и потому сама хранима...». Поэт беседует с душой, как с отдельной от себя личностью, он чувствует её

самостоятельную жизнь. То голос разума призывает её быть бдительной, то голос сострадания утешает её и укрепляет в испытаниях, то вдруг весёлый голос предлагает разделить с ней радость бытия. Душа для Сопина – не фигура поэтической речи. Он совершенный реалист, который видит разные уровни реальности, в том числе и метафизический. Многосоставность личности человека для него очевидна. Опытным путём он обнаружил место, где кроется зло. Он обнаружил причину зла и с тех пор стал бороться за добро в человеке. Цельность его натуры не принимает полуправды, не мирится с ней, и в то же время он по-отечески жалеет людей. Это есть признаки подлинной религиозности (лат. religare – воссоединять, или religio – совестливость, благочестие, благоговение). Он не был церковным человеком ни тогда, когда это каралось, ни потом, когда стало поощряться в обществе. Но Дух смирения, терпения и любви пронизывает всю его поэзию, и в этом смысле она подлинно христианская. И даже нечастый ропот лишь подтверждает это живое религиозное чувство, вершиной которого является сострадание ко всему живому.

Я, наверное,
Сердцем ущербен:
Каждой кляче,
Уставшей в степи,
Каждой
В осень рыдающей вербе
Я готов
Свою жизнь уступить.
Стеганёт,
Как под сердце, сквозная
Чья-то боль
В незнакомых глазах.
Почему это так,
Я не знаю.
Только жить
По-другому
Нельзя.

Птица во поле
Жалобно свиснет,
Чернобыл ли дрожит
На снегу –
Как собака,
Избитая жизнью,
К вам,
Избитым судьбой,
Я бегу.
Потому так тревожно,
Так часто
Думы в сердце,
Как снег в гололедь,
Что умру
От внезапного счастья,
Когда некого
Станет жалеть.

Примечательно, что слово «сострадание» в церковнославянских переводах Библии неоднократно переводилось, как «щедроты» (на иврите у этих слов общий корень). Речь идёт о щедрости, сострадании, на такой глубине милующей любви, которая охватывает всё существо Бога и призвано, по пятой заповеди Христовой, охватить и существо, «нутро» человека. Сострадание Господне, а с ним и спасение, «милость», «помилование» – тому, кто всем своим существом способен отозваться на боль и невзгоды другого человека. В православной гимнографической традиции это высшее сострадание обозначается словом «благоутробие». В нравственном отношении это качество стоит выше деятельного добра, которое таит в себе опасность гордыни и самодовольства. Но прекраснодушие, рождаемое созерцательной бездеятельностью, тоже опасно. Михаил Сопин поэт Божьей милостью. Его дело – слово.

Поэт – глашатай
Высшей воли.
Всё, что вверялось лично мне,
Я говорил по Божьей воле
Глухой,
Бесчувственной стране.

В его слове личное страдание преодолено: ни тени осуждения, озлобленности, мстительности. Не возникает извечных скучных вопросов: «Кто виноват?» и «Что делать?». Это – очень русская черта, точнее, лучшая черта русского характера. Именно способность к состраданию порождает прощение.

За всё, что выстрадал
Когда-то,
За всё, чего понять не мог –
Две тени –
Зэка и солдата –
Идут за мною
Вдоль дорог.
После боёв
Святых и правых
Молитву позднюю творю:
Следы моих сапог кровавых
Видны –
Носками к алтарю.
Есть в запоздалом разговоре,
Есть смысл:
За каждый век и год,
Пока не выкричится в горе,
Пока не выплачется в горе,
Любя, душа не запоёт.

Опыт Михаила Сопина бесценен для поколений, вступающих в жизнь в эпоху глобального мультикультурного тоталитаризма. Он – полноценный человек, то есть, цельная личность, сохранившая чи-

стоту. В контексте надвигающегося царства «мёртвых душ», точно описанного основателем русского метафизического реализма Юрием Мамлеевым в своих последних романах, особенно в романе «После конца», его пример стояния в правде чрезвычайно актуален. Мысль его лишена дуалистической советско-антисоветской растерзанности. Он прокладывает новый, третий путь, который вполне укоренён в традиции русского бытия. Без акта покаяния невозможно изменение социального устройства, но для этого общество должно ощутить себя народом. Покаяние же без сострадания – невозможно. Так поэт и мыслитель Михаил Сопин выходит к ещё одной глобальной для себя теме – теме Родины. Ей посвящена чуть не треть его текстов. Но в его гражданской лирике нет сиюминутных политических смыслов. Понятие «родины» Сопиным недвусмысленно отделено от понятия «государство». Поэтому так пронзительны лирические обращения к ней. Во многих текстах сквозит тревога за судьбу исторической родины – России. Но в итоге своих размышлений на эту тему поэт поднимается до планетарного масштаба. Ему приоткрываются законы живой земли – родины всего человечества. И поэтому строки его звучат пророчески:

Боль безъязыкой
не была.
Умеющему слышать – проще:
когда молчат колокола,
я слышу звон
осенней рощи.
Я помню –
в зареве костра
гортанные чужие речи,
что миром будет
править страх,
сердца и души искалечив.
Так будет длиться –
к году год,
чтоб сердце праведное
сжалось.

Любовь
навечно отомрёт,
и предрассудком станет жалость...
Но дух мой верил
в высший суд!
Я сам творил
тот суд посильно,
чтоб смертный
приговор отцу
не подписать
рукою сына.

Алексей Колосов (Вологда)

РЕКА ВРЕМЕНИ УНОСИТ ВСЁ, КРОМЕ ПАМЯТИ

Река времён в своём стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остаётся
Чрез звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрётся
И общей не уйдёт судьбы.

Гаврила Державин

Изыщество поэтических формулировок не делает их неоспоримыми истинами, к счастью. Настоящая поэзия – всегда тайна за семью печатями, которую не разгадать никогда всем земным теоретикам. Её присутствие в нашей жизни многим понятно и желаемо даже, а вот доступна и подвластна тайна сия – единицам. Кто они? Люди среди людей. Философы. Пророки. Но во все времена и в любой стране желающих сочинять всегда несоизмеримо больше тех, у кого это получается неповторимо. А из тех, у кого сочинять стихи получается, добиться прижизненного почтения удаётся тоже единицам. Единицам из единиц. Вот они-то свои стихи не «сочиняют», а пишут, или, как они говорят, «записывают», в отличие ото всех остальных, тоже считающих себя поэтами.

Одно дело – написать поэму к партийному съезду. О том, какие мы сильные «под мудрым руководством». И получить за неё официальное звание и награду. Другое дело – размышлять о жизни собственной, в которой десятки предков подают голоса из прошлого. Да

попытаться услышать их, и понять, да сообразить, почему мы и без «мудрого руководства» бываем сильными и ничтожными, и под ним, неизбывным, тоже. Но реже, чем хочется. Говорить своими словами о пережитом, короткой поэтической строкой. Своими словами о своём горе, своей любви, своём счастье, своих друзьях и своих врагах не станешь говорить из праздного желания прославиться. Имена поэтов, жаждущих только славы и денег, впрочем, тоже известны. Как правило, только их близкому окружению...

В августе 2011-го года исполнилось восемьдесят лет со дня рождения русского поэта Михаила Николаевича Сопина. И кабы дал ему Господь докарабкаться до этого юбилея во здравии, получил бы и он свою долю почтения от «благодарных читателей», коих не стало заметно больше, чем было при его жизни, но ведь стало больше! Это бесспорно. Недавно в издательстве «Красная звезда» вышел коллективный сборник «Шрамы на сердце» – лучших военных поэтов из восьми стран мира, из Вологды в него были включены двое: Сергей Орлов и Михаил Сопин. Книга начала путешествие по миру, о Михаиле рассказывают, как о сыне полка. Стихи Михаила Сопина включены в образовательную программу для изучения в России. Выходят серьёзные литературоведческие исследования, сборники и сборнички стихов Михаила Сопина в разных городах и странах. На стихи Михаила Николаевича пишут песни современные композиторы не только в Вологде.

Его трагическая биография обрастает большими и маленькими легендами и мифами, что происходит с каждой такой биографией с течением времени. Рождённый за десять лет до начала Великой Отечественной войны и прошедший её полностью – от Курской дуги до Потсдама – он так и останется ребёнком, который «Был не по своей вине живой мишенью мёртвых пашен, /Четыре года – на войне, /Полвека – без вести пропавшим». И в эти полвека с лишним войдут без спроса не только война, но и сума, и тюрьма. И любовь, конечно же. И семейное счастье. И человеческое горе отцовское. И жизнь будет настоящей, только значительно круче и острее, чем у многих. Хотя, что мы сегодня знаем о жизни друг друга?..

Нынче стихи Михаила Сопина читают в Перми, Воронеже, Белгороде, Харькове, Москве, Вологде, Череповце, Петербурге, Болгарии,

Португалии, США, в Юго-Восточной Украине – это хорошо известно мне. Об остальном литературном пространстве судить не имею права. В Перми Михаил Николаевич начинал свою «вольную» жизнь после лагерей, обрёл семью, но так и не «пробился» к настоящим публикациям. Но уже там получил начинающий поэт дорогое напутствие Виктора Астафьева, прочитавшего подборку стихов Сопина: «...Во всём чувствуется поэт, то есть, человек, Богом отпавленный в мир выражать свои мысли и чувства посредством стона, а не потому, что захотел стать поэтом. Поэт – он невольник, он с рождения обречён, и тут уж ничего не поделает никому... Готовьтесь к трудной доле современного советского поэта. Всем самостоятельно мыслящим людям, и литераторам в частности, живётся у нас нелегко. Желаю Вам удачи. Ваш В. Астафьев».

Известный историк, публицист, литературовед, критик Вадим Кожинов, живший в Москве, посоветовал Михаилу Сопину, так, что нельзя было ослушаться, перебраться из Перми в Вологду. И первый поэтический сборник Михаила Николаевича вышел в Вологде в то время, когда он стал полноправным вологжанином.

Жена и друг поэта, Татьяна Петровна Сопина, выступала на литературных встречах в Москве и Петербурге. Уже после смерти мужа побывала в местах его заключения – в Перми и Чердынском районе, где к бывшему узнику ГУЛАГа был проявлен самый искренний интерес.

В Белгороде живут замечательные Татьяна и Алина Беляевы, мама и дочка, которые всерьёз изучают не только поэзию Михаила Николаевича, но и те места, в которых прошло фронтовое детство поэта.

Воронежский литературный журнал «Подъём» опубликовал в нескольких номерах серьёзные подборки стихов Михаила Николаевича и литературоведческий очерк о нём вологодского критика Андрея Смолина.

Наиболее полные собрания стихов Михаила Сопина живут и пульсируют нынче на литературных сайтах. В последние годы жизни стены небольшой вологодской квартиры Сопиных, тиражи вологодских газет, публиковавших новые стихи Михаила Николаевича, перестали быть границами распространения его всё крепнувшего слова. Интернет взорвался от его стихов! И заговорили с вологодским поэтом его новые собеседники из многих стран мира, а в США вышла

наиболее полная книга с его стихами и трогательными субъективными (очень ценными поэтому!) комментариями Татьяны Петровны.

Общественные организации и творческие союзы обратились в юбилейный для Михаила Сопина год в областное Правительство с письмом и были услышаны – переработанная эта книжка легла в основу книги «Спелый дождь», которая вышла к концу года, и в Вологодской филармонии состоялся музыкально-литературный вечер, на котором, в частности, были исполнены хоровые композиции на стихи Михаила Сопина и музыку известного современного композитора Михаила Гоголина.

За семь с лишним лет, что его нет с нами, он так и не перешёл для меня в область воспоминаний. Скорее всего, так и останется в наших отношениях настоящее время. И телефон, и адрес электронной почты – прежние. Только к имени Миша теперь добавилось ещё одно – Татьяна. Так он иногда обращался при мне к своей жене. Голос, взгляд, интонации – предсказуемые почти при каждой новой встрече. И ни разу – мысль, суждения, тема для разговора. Ни разу мне не удалось услышать от Миши предсказуемого ответа на свой вопрос. Желанного ответа. Желаемого ответа. Его советы всегда просты, в них нет ни малейшего намёка на «ложь во имя спасения» – ему одному в то время, кажется, хоть на капельку, да удалось убедить меня в абсурдности такого словосочетания...

Ещё один русский поэт, размышляя о собственном слове, сформулировал то, что активно опровергают нынешние политехнологи:

Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется,
И нам сочувствие даётся,
Как нам даётся благодать...

Фёдор Тютчев

Фёдор Тютчев, потрясающий поэт и дипломат, знал, разумеется, о каком слове идёт речь. Слова, побуждающие к действию – это приказы. Слова, сподвигающие к размышлению, сопереживанию, духовному труду и очищению через этот напряжённый и, только на первый взгляд, почти бесполезный труд – это поэзия.

Совсем не охочий до пустой похвалы, не терпящий пустозвонства и лести, скольким «маетникам» помог Михаил Николаевич своим сочувствием, своим примером! Любая река уносит всё, в конце концов, что слабее и легче её бурных вод. Река времён уносит всё, кроме памяти.

Ирина Корденко (Юго-Восточная Украина)

МОСТ НЕ СГОРИТ

Начинается новая эра,
Отсекая дороги назад...

Михаил Сопин

Когда проснёшься, вспомни о беде,
О том, что полыхает Украина...

Татьяна Гордиенко

Поэзия Михаила Сопина (годы жизни: 1931-2004) – как незаживающая рана, которая не перестаёт болеть, но болью своей врачует душу, заставляя переосмыслить жизненные и исторические уроки, «прощупать» истоки нынешних бед, найти точки соприкосновения между трагическими вехами эпох. Стихи Михаила Николаевича не просто отражают какие-то чувства от жизненных испытаний, а являются собой осмысление пройденного пути, напитаны живой мыслью. И поэту удаётся эту мысль выразить так, что буквально каждая строфа становится афористичной. А ещё его поэзия очень актуальна сегодня, интересна не только связью с трагической судьбой, а предвидением. Говоря стихами того же Сопина, «И гений, освещая только миг, / Предвестит тьму, неведомую прежде». Некоторые стихотворения настолько поразительно отражают день сегодняшний, что невозможно об этом не сказать. Например, взять вот эти строки, которые предвещают происходящее сейчас на Украине:

История не учит ничему.
В ней можно правду
Выдать за чуму,
А если надо –
И чуму за правду,
И выпестовать
Скопище глупцов,
Чтоб спутать всё –
И не найти концов.

Именно так происходил, и доныне, процесс подтасовок, передёргиваний, искажений исторических фактов, самой грубой лжи, из которых скроена так называемая «украинская история». Два с лишним десятилетия украинский режим направляет огромные средства и усилия на воспитание подрастающих поколений в духе ненависти ко всему русскому (достаточно полистать школьный учебник «Истории Украины», чтобы убедиться в этом). Подробно толковать весь исторический дискурс, которым полна и горда современная украинская историческая наука, конечно, нет смысла – лучше, к примеру, сослаться на замечательный труд Сергея Родина «Отрекаясь от русского имени», посвящённый «украинскому вопросу». Кстати, в этой книге, изданной в 2008-ом году, звучало предостережение и предвидение сегодняшнего братоубийства: «Пройдёт каких-нибудь десять-пятнадцать лет, и миллионы сегодняшних школьников станут взрослыми. Те, кто успешно освоил учебный курс, продолжат карьеру, в том числе и в структурах правящей украинской элиты. Именно они будут определять приоритеты внутренней и внешней политики Украины. Краеугольным камнем их мировоззрения и политических устремлений будет убеждение, сформированное ещё в детском возрасте: весь смысл существования «самостийной и нэзалэжной», её историческое оправдание и геополитическое призвание заключены в непримиримом противостоянии единственному и вековечному своему врагу, соседней России. Это их убеждение будет подкреплено мощным идеологическим и финансовым воздействием с Запада... Дальнейшее предсказать несложно: многообразные проявления «холодной войны», отличающие современный этап российско-украинских отношений, плавно перерастут в войну «горячую».

Исходной трагической вехой для русского народа и нашей общей великой Родины – Руси явился декабрь 1991-го года, когда произошло искусственное расчленение русской нации. С тех пор, вот уже двадцать три года, в «самостийный» Украине истерически нагнетается русофобия, полным ходом осуществляется насильственная ассимиляция в «украинцев» русских людей, которых заставляют отречься от своих корней, истории, языка и культуры, крови, святынь: страшная, невозвратимая драма потерь. Основой сегодняшней братоубийственной войны явился губительный мировоззренческий и психологический переворот, который буднично и кропотливо закладывался украинской школой. Значит, Украина намеренно растила, готовила детей – для войны! Иначе, зачем было с пелёнок вдальбивать детям, что «Украина – не Россия», и прочую подобную чушь, настраивая молодые умы так, чтобы в соседе – России – они видели врага? Развернуть этот маховик в обратную сторону очень непросто. Но и жить так дальше тоже невозможно.

Многие сейчас стремятся наполнить вакуум безвременья и политической вражды содержательным единением с русским миром, возжегши свои сердца от неугасимого огня его духовного наследия. Не раз сталкивалась с попытками общественности создать, сформулировать и даже как-то документально запечатлеть сущность «русской идеи», «русских ценностей» современного мира и тому подобного (интернет-форумы, народные соборы, инициативы общественных организаций). Почему-то у меня это вызывает улыбку. Мне кажется, формулировать, а тем более создавать «русские ценности» – тщетное занятие. Чтобы коснуться глубинного, сущностного их выражения, нужно, прежде всего, обратиться к памяти прошлых лет, к живым источникам этой памяти (ценнейшими свидетелями могут выступить, к примеру, дети войны 1941-1945 гг.), то есть, не придумывать какие-то новые объединяющие всех русских людей концепции, формы, которые не будут жизненными, а освоить существующее наследие, в котором всё уже есть, что только нужно для закладывания культурного, духовного базиса современного русского единения. Курс на выхолащивание памяти о прошлом, взятый современными масс-медиа и направленный на то, чтобы уничтожить эту память, чтобы люди жили одним днём – ещё одно преступление нашего века. В этой связи не-

лишними окажутся слова нашего современника, румынского священника Иоанна Валентина Истрати о характере века нынешнего: «Одна из важнейших черт нового века – это поверхностность. Нрав мелочный, менталитет поверхностный, онтологическое болотце, реакция быстрая и бессердечная, эмоции зашкаливающие, но продолжающиеся всего день, память короткая, характер компромиссный, дух рыночный, улыбка бессмысленная, представления убогие, высокомерие безосновательное – одним словом, сама посредственность бытия».

Творчество и судьба Михаила Сопина – нам, современным читателям – драгоценный мост от прошлого к настоящему, с помощью которого можно не только осмыслить историю, но узнать трагический украинский сегодняшний день:

В социальном удуше
Найдётся для смердов вина!
Боже мой, сколько раз
Молодым человеческим мясом,
Наспех сляпав Указ,
Затыкала ты прорву,
Страна...

Не проповедуй
Кровь и победу.
Сносному аду,
Сладкому яду,
Властному зверю
Как я поверю?
В мирные мины,
Доброй простуде,
В то, что безвинных
Нынче не судят?..

«Мирные мины» сегодняшнего Донбасса! Властный зверь отправляет неволей подчинённых ему людей бомбить мирное население своей же страны. Вот что бывает, когда мы предаём Родину, когда забываем о своих истоках, когда даём возможность переиначить своё прошлое.

Я знаю
Кровь и смерть войны,
Колосья,
Тучные от праха,
Глаза казнённых без вины,
Психоз бесправия
И страха.
Так уж ведётся на Руси...
У самого себя спроси
За тесноту,
За нищету,
За немоту,
За темноту,
За политический разбой,
За всех,
Гонимых на убой.
И никаких гарантий нет,
Что мы не повторим тех лет.

Повторяем! Вновь – повторяем. Прошлое всегда предвестит настоящее, и в нашей истории есть и будут беды одних и тех же истоков:

Мир зыбок.
Всё то же:
Вот – мост, вот – ручей.
И та же двойкость улыбок.
И те же зрачки стукачей.
И вновь всепокорные люди.
И тот же призыв, что звучал...
Ужель мы всегда у прелюдий,
Мы – общество вечных начал?

Мы будем «обществом вечных начал», пока не начнём осмысленно подходить к своей жизни, памяти, пока не начнём всеми силами изгонять всякую мерзость из своих душ. А пока – властвует «имуций хам»:

От хамства претерпев, как от врага,
Болезненно, озлобленно, кроваво
История
Хлобыщет в берега.

Отчего же люди «всем миром» не препятствовали губительному коммунизму, а теперь довольно вяло (отстранённо или вообще негативно) реагируют на борьбу с неофашизмом? Ведь понятно, что это допустили сами люди – и не нужно умалять в этом собственной вины:

Мы глушим мерзость
Собственной вины.
Да, да, да, да,
У нас всё это просто.
Достаточно сказать:
«Тьма – свет. Свет – тьма»,
И светоч коллективного ума
Не отличишь от стадного уродства.

Свет с тьмой попутала «скачущая» Украина. И не нужно умалять вину каждого в этом страшном действе.

Говорила мне обитель,
Подтверждал родной уют:
Зряче Родину любите,
Слепо любят – предают.
Лилипуты – великаны!
Боль – полночная сова.
Резче звякают стаканы.
Глуше падают слова
Веры к прежним интересам.
От всего один бальзам –
Скрытность хлещет по нетрезвым
И давно сухим глазам.
Над полями, над лесами
Тишь, да глушь, да вороньё.

Сами, сами подписали
Мы своими голосами
Обречение своё.

Самое ужасное: нам, живущим на Украине, с нашего молчаливого согласия, столько лет старательно вытесняли из умов понятие Родины, нивелировав значение и силу русского богатого многонационального мира, русского единства. Но вот оказывается, что в умах – да, вытравливали, но в сердцах-то многих – не получилось вытравить! И за эту соломинку нужно схватиться! Я ведь тоже, когда училась в школе и в университете, изучала «Историю Украины» и сдавала по этому предмету экзамены, терпеливо заучивая ахиною из учебников. Но ведь в душу это как-то не вошло! Отцепилось – и всё. И не только у меня так оказалось.

И мысль горит, и жизнь течёт,
И есть у памяти свой счёт...
Страшась отцовского клейма,
Пойдут сыны без биографий.
От сына отречётся мать,
Ибо отрекшийся потрафил:
Рассек связующую нить.
Ни общей доли нет, ни боли.
Кого отрекшимся винить
За четвертованную долю?
Так народится гриб-гибрид,
Зачатый страхом и пороком,
И Мост Истории сторит,
Края обуглив двум дорогам.

Так же, как во времена Советов уничтожали родственные связи, клеймили «врагов народа» и этим жгли Мост Истории, так же теперь пытаются сжечь Мост Истории, клеймя тех, кто поддерживает русский мир. Пошли уже свои «сыны без биографий». Выхолощивают всеми способами память поколений, родных стараются заставить отречься друг от друга, от русского прошлого. Жутчайшее преступле-

..●●—————●●..

ние. Произошедший разрыв преемственности поколений, веры – у новорожденных «украинцев» привел к расколу, к войне. Как могут быть близки и понятны многим живущим на Украине строки:

Не к разгулу я, край мой,
Не к бунту тебя призываю,
К состраданию, к свободе,
На исповедь кличу сердца.
Нас разъяла двуликость.
Мы предали отчий обычай.
Жжём свои же дома
И с восторгом глядим на зарю!

Как же можно было с такой быстротой сменить себе Родину, забыть свои корни, предать, оплевать наследие? Всего потому, что за нас так решил властный зверь, готовый на всё, служа золотому тельцу... И сегодня: «Мы за всех бесконечно преступны, /Кто сорвётся, сойдёт с колеи...». Ведь это мы: «...От родимых и близких /Ради мест призовых отреклись...».

Мы с блеском лжём своей душе,
Больным.
Забытым.
И забитым.
И Апокалипсис уже
Стал повседневным нашим бытом.

Обратимся всем сердцем к русским началам, многоболезненным и – святым. Боль и святость – два крыла нашей Родины, это очень тонко чувствовал и смог передать в своей поэзии Михаил Сопин:

Так свято, так тяжко,
Отчизна,
Не знаю – как сердце
Не ахнет фугасом,
Вобрав свою боль и впитав.

Ещё – о Руси:

Краснопенная, бешеная
Тройка-птица, опомнись, куда ты?!
Героичен твой путь, и трагичен,
И свят, и свинцов.

Вся русская история соткана из боли. Это очень остро передал в своей поэзии Михаил Николаевич Сопин, в которой есть такие слова: «Не познав родословную Родины, не поймёшь родословную слёз». И нельзя из истории, из памяти прожитого вычеркнуть ни дня, ни минуты, ни секунды: ибо каждому мигу есть своя цена. Память не должна умирать, ибо «человек беспамятный способен породить только зло и ничего другого, кроме зла» (С. Алексиевич). Нужно помнить: наша история настолько наполнена болью и страданием (война, лагеря, лишения, голод), что:

Если выйти в поле,
То будет слышно,
Как летит над ним
Молчанье душ,
Запекшихся от боли.

Трагическая судьба Михаила Сопина, переданная в его накалённой до всех возможных пределов поэзии, даёт представление о страшных мытарствах войны, лагерей, трагедии изгнанности, неприкаянности, одиночества, горькой земной юдоли.

Я был
Не по своей вине
Живой мишенью
Мёртвых пашен:
Четыре года – на войне.
Полвека –
Без вести пропавшим.

•••—————•••

Мой крестный путь –
В пожар из-под огня.

Я – зыбкость сугробов,
Накат раскалённой волны.
Я – детская обувь
На мёртвых дорогах войны.
Я – стон измождённых
В застенках,
В рудничной пыли.
Я – вопль не рождённых
В раздавленном
Чреве
Земли.

Мне шёл одиннадцатый год,
И не моя вина,
Что не дошёл он – что его
Оборвала война.
Слепой, истошный вопль
В овсе –
Шли танки с трёх сторон.
Давили, били, рвали всех
Без всяких похорон.
На равных
Бой
И крик – ура!
Багряный след в овсе...
И насмерть бил,
Как били все.
И пропадал – как все:
Стреляю. Плачу. Кровь
В зрачок.
Бью в башни, по крестам.
Но под разъездом Казачок –
От пули в бок
Устал.

Устал... Усталости конец –
Убитых братьев зов.
И пил в одиннадцать сырец
С багровою слезой.
Мне говорят:
«В стихах не плачь!» –
И сразу вижу их:
Идёт со шмайссером
Палач...
«Их шиссен» – «не живи!»
А я живу. Назло врагу,
Безликости назло.
Где плохо – плачу,
Не могу,
Пред павшими в долгу.
За каждый город и село,
За каждую семью –
В лицо запретчикам смеюсь
За всех, кого смело.
Я вправе говорить за всех,
За всю «братву-славян»!
Кто, ворогу кадык сломя,
Шёл под Анадырь
В снег.
Пришёл или остался там
Без почестей и дат.
И честь, и память их свята –
Я сам из тех солдат.

Вот так и было. Тягомотно. Тошно.
Таков мой путь к Парнасу,
Вот таков:
Цинготный. Голодранный. Беспортошный.
Сквозь золотую россыпь
Тумаков.

Не снится мне:
Без роздыха, без брода
Барахтаюсь, Отчизна, наяву.
Клеймённый сын
Казнённого народа
Жив!
С кляпом в горле
Жив. Ещё живу.

Пишет Михаил Сопин о себе и своих мытарствах не ради славы,
не ища сожаления, но ради того, чтобы всё это не было забыто нами:

Не скули, моя боль,
Не впервые от нас отреклись.
Не нацистам лишь только
Бросали детей на закланье –
За оградой державы
Жрал гулаговский нас реализм.
Если всё ворошить
Для рассматров-реабилитаций...
Надо тысячу лет.
Край и общество братских могил!
Сколько нас перебито
На рынках, в подвалах, у станций,
По закону и без,
На вселенском распутье туги.
Убиенным, гонимым
Открывают вам счёт
Эти строки.
И сегодня их памяти вечной
Взметнулся мой стяг.

Поколение, нёсшее тяготы тех лет, отмечено глубинным светом
печали:

Ранний свет,
Глубинный свет печали –
Молчаливый
Призрак наших лиц.

Это – «Беженцы войны, /Сироты красного террора», «Все стройки коммунизма – их «дебют».

Нас не было,
Обугленного братства.
Нас не было...

Но ещё не исчезли с лица земли раны прошедшей войны и террора – даже можно сказать, что мы их только начали открывать – как снова загремели залпы... И опять:

Вглядитесь, взгляните вокруг –
Там вон дети войны,
Сиротище страны голосует
За «счастливое детство»
Кульями обрубленных рук.

Что нам делать? Как пережить тяготы, ждущие нас впереди? Как выдержать все потери? И здесь следовало бы обратиться за опытом преодоления к Михаилу Сопину – то есть, осмыслить склад его души, понять, с каким сердцем и мыслями он жил, претерпев всё до конца.

Иду среди скопищ и сборищ,
Глупцов и пророков.
Иду издалёка,
Бог знает, в какое далёко.
И тёмную ношу несу я,
И светлую ношу.
И друга в печали,
И недруга в скорби не брошу.

Под таинством неба иду я,
По таинству поля.
Людская неволя во мне
И Господняя воля.

Я только лгу,
Я только жалко лгу,
Когда скажу,
Что выжег в сердце веру,
Что никого любить уж не смогу,
Уйдя душой в раздумий сумрак серый.
Да, выжег, выжег,
Выжег в сердце я
Частицу чувств
И горечь с ними вместе,
Но никогда,
Ни в чём душа моя
Не жаждала для виноватых мести!
И если злополучный рок судьбы
Определит мне то, что и вначале...
Я всё равно останусь тем, кем был –
Встречая, доверяясь и печалясь.

У Михаила Сопина найдутся и стихи, которые можно назвать своеобразными молитвами, которые чрезвычайно актуальны в сегодняшний час. Просим же и ныне, вместе с поэтом:

Век гильотинный,
Липкий,
Век железный.
Прошу, молюсь
У пропастной межи:
Останови нас, Господи,
Пред бездной,
До жатвы
До кровавой.
Удержи!

Прошу об одном лишь:
Пусть будет не поздней расплата
За слово, за немость,
За помысел тайный, за стих.
Избавь от победы,
От зависти, славы, от злата.
Пошли мне прозреньё –
Прозреньё до действий моих.

Не отведи
От горьких мук,
От тягостных поклаж.
Тепло моё отдай тому,
Кто в жизни без тепла.
А упаду –
Ты и тогда
На помощь к тем спеши,
Кто затерялся в городах,
Кто позабыт в глуши.
Через ненастья всей земли,
В родную сторону,
Дай Бог мне тысячи тревог,
Дай Бог мне тысячи дорог,
Сошедшихся в одну.

Не нужно забывать, что:

Есть в запоздалом разговоре,
Есть смысл:
За каждый век и год,
Пока не выкричится в горе,
Пока не выплачется в горе,
Любя, душа не запоёт.

Сердце поэта полнится крепкой, глубинной любовью к Родине,
которая – «никогда не перестаёт».

Сердца нынешних защитников Новороссии, полагаю, полнятся близкими к выраженным поэтом чувствами.

Через вьюги,
Через поле льдистое
Посвети мне, Русь.
Я приду к тебе,
Одной-единственной,
Сердцем отзовусь.

Я Родину свою
Вблизи, вдали
Найду без вас,
Душою, что болит –
Как у солдата отнятые руки...

Я – как слепой
Вставал на поле боя.
Не страх
Бросал вперёд меня.
Не долг,
А невозможность
Не дышать тобою...

Прорасту на забытых покосах,
Прошумлю в небеса
Пожелтевшим быльём,
Что любил я страну,
Где кричал безголосо
От её доброты
И печалей её.

За гонимых, за проклятых нас
Я приполз
В тебя веровать,
Родина,
Надсадив сухожилья о наст.

Да, есть страх,
Есть ответственность:
Вдруг я о чём-то забуду,
А потом обленюсь,
А в душе, в глубине – отрекусь!
В безымянных степях
Голубые глаза незабудок
Тех, с кем хлеб я делил.
Откажусь – не прощай меня, Русь.

Я шёл в ненастья той поры,
Когда страна была в ненастье
С коротким именем –
Война.
И я –
Под бомбами,
За мамой
Кричал в пространство:
«Отче наш!»,
Но отче
Изгнан был из храма.
Ползли не русские кресты.
Глотали танки жизнь и вёрсты...
И потому меня прости,
Когда завидовал я мёртвым.
Когда, казалось, сокрушён
Несокрушимый дух России –
Я припадал к земле душой
И болью,
Вечно негасимой.

Дух России не сокрушён – благодаря таким подвижникам, как Михаил Сопин, благодаря поколению с ранним глубинным светом печали, благодаря памяти, которую они сохранили для нас.

Мы все равны,
Единые судьбой и болью.

Мы едины. Мы – едины! И наши сердца – да не будут беспмятны.

Раиса Коротких (Москва)

ЧТО МНЕ ДОРОГО В ТВОРЧЕСТВЕ ПОЭТА МИХАИЛА СОПИНА

Я внимательно прочитала буквально не только каждое стихотворение, но и каждое слово в сборнике «Спелый дождь». Давно не переживала такого ощущения, что знаю и люблю этого автора, чувствую его внутреннюю жизнь, истоки и неповторимость поэзии. Такое я пережила лет десять-пятнадцать назад, встретившись с поэзией Иосифа Бродского. Каждая встреча с Мариной Цветаевой, Анной Ахматовой, Бэллой Ахмадулиной (этот список огромен, и «Proza.ru» его пополнила) давала и даёт ощущение радости при понимании того, что вся сознательная жизнь большого поэта – непрерывное, эмоциональное потрясение.

О поэзии Михаила Сопина уже немало написано, изданы сборники его стихов, в том числе в Чикаго «Пока живёшь, душа, люби!..» (2006 год). Во всех его произведениях звучит высокая гражданская нота. Очень прямо, жёстко говорит он от имени детей военного поколения – тех, кого калечила война, а потом добивал государственный строй.

Почему,
Взрывая крепость быта,
В сердце бьют обугленные дни?
Сколько мы оставили убитых,
Так и не успев
Похоронить!

Здесь же поэт, говоря о том, что «есть в душе моей такая рана», как-то необычно для себя, почти по-детски, просит:

Не заблудился я,
Но всё же поаукай.
Я не замёрз,
Но не гаси огня.
Я не ослеп,
Но протяни мне руку.
Я не ослаб,
Но пожалей меня.

Цикл «Журавушка» относится к концу семидесятых годов, когда «иллюзии о душевном равновесии на свободе рассеялись».

Зачем-зачем легли туманы?
Зачем несбывшиеся сны?
Калина, горькая, как память,
Дожди, как слёзы, солёны.

И кажется, что о каждом из нас поэт написал тогда:

Вперёд, моей жизни лошадка,
Так стыло, так тягостно тут.
Мне больно, мне горько, мне жалко,
Плодящих в сердцах пустоту.

Мне тоже и больно, и горько, и жалко так, что я не могу оторваться от этих строчек. Следуя за содержанием книги «Спелый дождь», скажу хоть немного о цикле «К ликам храмов бревенчатых». Это было сложное время переезда Михаила Сопина в Вологду, поиска работы, вживания в новую среду. В стихотворении «Ослепший лебедь» он пишет:

Как мы поздно становимся мудрыми,
Так нелепо приветствуя
Мыслей не наших полон.
Лики храмов бревенчатых,
Слушайте голос заутрени:

Возвратилась душа моя
К вам,
На последний поклон.

Листая страницы книги, сталкиваешься с необычным словосочетанием «Предвестный свет».

Лунно. Просветлённо.
Тучи дальние.
Вечер тих.
Посвети,
Вечерняя звезда моя,
Посвети.
Через вьюги,
Через поле льдистое
Посвети мне, Русь,
Я приду к тебе,
Одной-единственной,
Сердцем отзовусь.

Тема Родины звучит искренне, волнующе. Так и видишь поэта, душа которого изранена, но он умеет не только страдать, жалеть, но и радоваться жизни:

Мне радует сердце
Беседа со степью осенней.
Зажмурюсь – и тут же
Над памятью
Солнце встаёт.

Меня, как читателя, до глубины души трогает его стихотворение «Дождь сорок первого года». И вот это:

Жители,
Спешившие на стоны,
Псов голодных
Видели в лесу.

Я поверю
Снам и ворожеям.
Молодость,
У скорбного села
Почему осталась в окруженье
И ко мне
Пробиться не смогла?!
Вспомню – плачу.
Не могу.
Нет власти...

Эта же тема продолжается в разделе «По разломам военной земли».

Ты говорила:
«Если выйти в поле,
То будет слышно,
Как летит над ним
Молчанье душ,
Запекшихся от боли».

Ему долго не удавалось напечататься – ни в местных, ни в центральных журналах и издательствах. Прорывом было участие видного критика В.В. Кожина. Тот рекомендовал М.Н. Сопина издательству «Современник». Нелишне напомнить, что рядом со стихами Михаила Сопина в журнале «Наш современник» было опубликовано «Красное колесо» Александра Солженицына. И запоминаются слова Михаила Николаевича в этом журнале, несмотря ни на что, добротой:

Прошу тебя:
Не зажигай мне свет!
Я жил затем, чтоб в хмарь и в смуту,
Когда нет сил,
Ни воли нет,
Встать и зажечь огонь кому-то.

Каждый стих кричит о пережитом. Очень хорошо сказано об этом в стихотворении «Россия – это мы», так современно звучат слова поэта:

Убийц к ответу звать –
Пустое дело.
Всё в нас самих.
Россия – это мы.

Поэт очень высоко оценивал роль жены в своей творческой жизни. Она была и помощником, и первым читателем, и редактором... А в литературной записи за поэтом Г. Щекина приводит такое признание Сопина: «Всем тем, что осуществилось, обязан, прежде всего, Татьяне. Я всегда был недоволен тем, что делаю, а раньше это и выражалось по-зверски – и жёг, и рвал, и ел исписанную бумагу. Татьяна ухитрилась спасти всё это». Добавлю, что без комментариев жены книга «Спелый дождь» очень много потеряла бы.

Завершает сборник поэма «Агония триумфа». Она была написана в 1993-ем году, издана посмертно в 2011-ом (в Казани, а затем и в Вологде). Хотя поэту оставалось ещё почти девять лет плодотворной творческой работы, он как будто предчувствовал, что и дальше будет нелегко:

Поддержи меня, Родина,
Не лишай меня мужества жажды:
Дострадать, досказать,
Догореть без остатка хочу...

«Агония триумфа» – исповедь о самом важном в жизни поэта. Она врачует его и наши души. И каждая строчка – как колокол – кричит о том, что:

В этом трепетном мире,
По сути своей не жестоким,
Осеня признаньем
Травинки, пичужек, зверьё.

Всех живущих прошу,
На все три стороны от востока:
Защитите Любовь!
Иль распните меня за неё.

В заключение ещё раз хочется сказать, что мне очень дорого в творчестве Михаила Сопина, что, пройдя через пекло войны, Гулага, он сумел создать себя, как личность, находя в стихах избавление от всего внешнего, гнетущего, подавляющего. Наряду с пронзительной нотой неприятия общественного строя, поэт в своем творчестве опирается на природу, призывает людей сохранять друг друга, как родных, беречь саму землю. Его мир наполнен образами, достойными большого поэта. Эти стихи ещё станут широко востребованными.

Виктория Кушина (Вологда)
СОТВОРЁННОЕ ИЗ МУЗЫКИ СЛОВ

Метроном и ветер

Стихотворение М. Сопина «Плывёт метель...» сплетено из смыслов и звуков, им вторящих. Аллитерация в каждой строчке, в каждом слове – мелодия природы. В начале стихотворения господствуют шипящие – мягкий, протяжный звук метели:

Плывёт метель
Вдоль вышек.
А вместо егерей –
Снежинки ребятишек,
Как стайка снегирей!

Далее, в качестве перехода, яркий эпитет в сопровождении звонких согласных – «Фруктовые улыбки!». Появляется новый персонаж – ветер. С ветром связан поэтический образ «ветер-скрипка», широко распространённый в русской поэтической традиции. Однако нигде, кроме как у Сопина, развернутый образ «ветер-скрипка» не образует такую пронзительно-объёмную метафору:

Потоки слов вразнос!
Лишь ветер –
Словно скрипка,
Охрипшая от слёз:
То жалобно, то гулко,
То медленно,
То вскачь...

..●●—————●●..

Как будто в переулке
Стоит еврей-скрипач.
Не тает снег на шляпе
И на воротничке.
И гроздь светлых капель
Застыли
На смычке.

Помимо наполненности метафоры, яркий образ «ветра-скрипки» создаётся при помощи аллитерации (звук «с») и лексического повтора (то... то...): «То жалобно, то гулко, /То медленно, /То вскачь...» – повторяющийся союз, будто метроном, рвёт «охрипшую от слёз» мелодию скрипки, передавая прерывистость музыки.

Тише, тише, тише...

Вместе со словами «тише, тише, тише» стихотворение погружается в шорохи и трепет тишины, лирическому герою важно не спугнуть «песню», которая находится внутри него. С помощью обилия глухих согласных автор сплетает из звуков тишину:

Тише, тише, тише...
Не надо во мне пугать
Песню,
Которую, слышу,
Мне напевает мать –
Светлую и большую
Песню о дальней стране!

Далее в стихотворении идёт пронзительная в своём построении просьба-плач лирического героя, построенная на переливе просяще-шипящих звуков (с, ш, ч):

Не прикасайтесь,
Прошу я,
К этой печальной струне...

После паузы, графически обозначенной многоточием, фонетическая составляющая стихотворения резко меняется. Вместе с образами детства в стихотворение врываются звонкие жужжащие и рычащие звуки (д, ж, в, р), создавая картину движения жизни, красочную и звучную:

В детство на жёлтом пароме,
В звуки
Дождей и трав
Каплями жаркой крови
Выплачусь,
К песне припав.

В стихотворении наблюдается гармония между двумя уровнями языковой системы – лексикой и фонетикой. На уровне лексики, «архилексемы»: скрипка, песня, звук равномерно распределены в начале, середине и конце стихотворения, создавая композицию не только в плане формы, но и в плане движения и рождения музыки. Фонетический уровень следует за лексическим, дополняя его и делая более объёмным и выпуклым.

Василий Макаров (Вологда)

ЖИЗНЬ В ПЕЧАЛЬНОМ РУССКОМ НЕБЕ

Михаила Сопина часто рассматривают, как поэта военного времени или как поэта, пережившего суровые сроки заключения и описывающего изнанку человеческой мирной жизни. Иногда его ещё рассматривают, как тонкого лирика, и тому есть причины. У Михаила Сопина достаточно стихотворений, в которых выражается душевная привязанность, сострадание и любовь.

Но для меня было бы интересно рассмотреть этого поэта, даже не столько, как поэта, скорее, как философа. Многие литераторы пользуются в своих произведениях сложными и многозначными символами. На распаковку некоторых символов уходят труды поколений, достаточно вспомнить лишь эпоху романтизма. Но далеко не многие творческие люди способны создавать в своих произведениях новые смыслы и совершенно новые образы. Такие произведения, став достаточно известными, способны влиять на творчество последующих поколений писателей, поэтов, художников и музыкантов.

Именно новые смыслы и образы стали для меня предметом изыскания, когда я знакомился с творчеством Михаила Сопина. И результаты этой работы я представляю в данном тексте.

Цена человеческой жизни

ВЫ СЛЫШИТЕ?..

Вы слышите – были мы, были
Кочующей горсточкой
Мыслящей
Пыли...

Человека отличает одна исключительная особенность. Человек способен осознавать всю трагедию своего существования, способен осознавать реальную цену своей жизни и своим поступкам. Война и заключение в лагерях весьма способствовали тому, чтобы оценивать человека в рамках русских поговорок «грош цена твоей жизни» и тому подобных. Но в этом стихотворении мы видим гораздо более сильное сравнение. «Мыслящая пыль» это не просто нулевая цена, это скорее цена отрицательная. Мало кто согласится мириться с клоками пыли, лежащими по углам нашего дома. Отсутствие пыли и грязи воспринимается, как норма и условный «нулевой» уровень. В этом стихотворении автор не просто в предельно простой форме показывает нам «грязного» или «грешного» человека. Он ставит вопрос о том, был бы лучше этот мир, если бы в нём не было человека?

Известно, что никто другой в живой природе, кроме человека, не способен устраивать такие жестокие явления, как война. Никто другой не способен так издеваться над существами своего же вида. Никто другой не может так небрежно относиться к священной и сакральной Жизни. Как показал нам XX-й век, человек действительно способен уничтожить всё живое на земле из-за глупости, жадности и узких политических интересов.

Но автор не просто ставит перед нами проблему, он также даёт нам ключ. «Мыслящая пыль» пусть не способна к позитивным действиям, у неё на это не хватит единства и согласованности. Но она способна к самому главному – думать. Думать о себе, о смысле своего существования, о своём месте в огромном безбрежном Космосе. Именно само-осознание является источником глубоких душевных страданий человека, но оно же является средством для самопознания и очищения. Пока «мыслящая пыль» не потеряла способности думать, она может преобразиться в разумную, светлую, позитивную силу. Но путь этот долог, а автор показал нам самое его начало.

Пусть жизнь моя
Темна и нелегка,
Пусть я сейчас для многих непотребен,
Но убеждён, что буду жить в веках,
Одной из звёзд
В печальном русском небе.

В этом стихотворении автор показывает нам то, с чем многие русские люди согласятся, что совпадает с их внутренним мироощущением, но что весьма не просто сформулировать и выразить словами. Автор говорит нам о том, что Россия – это не столько страна, имеющая определённые границы на земле. Россия – это страна, значимая часть которой находится не на земле, а на небе. Тысячелетняя история Руси, как государства, совпадает с тысячелетней историей русского христианства. Именно христианство сделало возможным объединение разрозненных славянских племён и княжеств в единое государство. Именно глубоко духовное христианство восточного толка, в противовес западного, схоластического, дало возможность проявиться русской выносливости и крепости.

Небо всегда для русского человека было союзником и поддержкой. Именно там черпал русский человек силы, когда сил уже не было. Из истории мы знаем, что особенно сильно все удивительные качества русских людей проявлялись в освободительных войнах против внешних захватчиков. Это становится понятным, когда мы узнаём, что Небо – это не только сила. Небо – высшая справедливость, милость к страдающим и спасение. Именно там находятся все наши герои, подвижники, мученики. И именно там будем все мы, кто чувствует и понимает значимость Русского Неба для всех живущих на земле.

Симулякр жизни

В БЕСФИНИШНЫХ БЕГАХ

Я вижу мир:
Низвергнут в чёрный дым
Горящих истин
И самосожжений...
Я вижу мир печальным и седым,
Спешащим к иксу
Поступью саженой.

И беспредметность движущихся лиц
К неясной и недостижимой цели,
С безумными гримасами, на сцене
Насущных дней
И меж кулис – вдали.
Вперёд
К самообману и коварству!
Изнемогай в бесфинишных бегах.
Вперёд, марионеточное царство,
На исповедь к сценическим богам.

В 1969-ом году ничего не предвещало трагедии распада государства, которое мы увидели в 1991-ом. Всего за восемь лет до написания этого стихотворения Гагарин совершил свой полёт, страна находилась на пике своего экономического, военного и научного потенциала. И в это время автор пишет о том, что государство, не имеющее твёрдой основы, обречено. В чём же заключается «ненастоящность» этого марионеточного царства?

Тут нужно отвлечься и освежить в памяти некоторые основы коммунистической идеологии. Социалистический строй имел множество преимуществ перед другими, сталинская конституция 1936-го года была самой прогрессивной на то время во всём мире. Но был при этом весьма значительный минус. Коммунизм отрицал Бога, а значит, и всё то Русское Небо, которое веками хранило наших предков на шестой части суши. Коммунисты решили сами построить «рай» на земле. Нам теперь известно, что у них в конце концов не получилось, но в те года это было очевидно далеко не всем.

Автор в последней строчке упоминает сценических богов, к которым спешит это царство. Очевидно, что «свято место пусто не бывает», и поэтому в коммунистическом пантеоне возникли свои боги. Михаил Сопин, как человек, переживший войну, не понаслышке знал, что в окопах не бывает атеистов. Он чувствовал и понимал эту тонкую связь с Всевышним, которая живёт у русского человека в сердце. И, по высшему закону, всё ненастоящее рано или поздно рушится и уходит в небытие. Только настоящие истины могут жить вечно.

Лицо пустоты

СТРАШИТЬСЯ БЕЗЛИКОЙ ТИШИНЫ...

Страшись безликой тишины,
Когда в безумной круговерти
И жизнь, и смерть обобщены
В таинственное жизне-смертье,

Где по команде слёзы льют
И выше смысла ставят фразу,
И любят нищие салют,
И умирают по приказу.

В этом стихотворении автор весьма остро ставит проблему ценности личности. Обезличенная же масса людей выступает, как антигерой, которого нужно опасаться. Обезличенность человека часто имеет функцию ухода от ответственности, недаром преступники стремятся скрывать свои лица. Но при этом уход от ответственности за свою жизнь ведёт человека в «таинственное жизне-смертье». Любая попытка переложить свою ответственность на других, приказ ли это, или «все так живут», уменьшает жизнь человека. Причём уменьшает не в годах и в днях, а в тонкой градации, отличающей осмысленную человеческую жизнь от бездумного животного существования.

Только, не пряча собственное лицо и целиком принимая награды и наказания за собственные поступки, мы становимся не массой или толпой, но Человеками.

До размера Вселенной сжимая зрочки...

ЖИВУЩИМ РУКУ ПРОТЯНУ

Капель роняют провода.
Последний лист пожух.
Вослед размывшимся годам
Я слова не скажу.

Войдя
В заснеженную муть,
Под стать моей судьбе,
Я молча руку подниму –
Туда, где нет небес.
За то,
Что дальний звёздный свет
Мне столько лет не гас.
За то, чего в помине нет –
Снега, снега, снега.
Из глубины,
Где нет минут,
Нет света,
Нет огня,
Живущим –
Руку протяну
Туда –
Где нет меня.

В человеческой среде постоянно идёт борьба между двумя противоположными началами. Одно из них стремится к комфорту и покою. Для него важен маленький уютный мирок, где всё известно и знакомо. Другое начало не даёт спокойно жить ни тем, ни другим. Его манит неизведанное. Его волнует далёкое. Оно имеет способность преодолевать «хребты веков» и тысячи километров расстояний. Можно называть это чувство «пассионарностью» – по Гумилёву, либо как-то иначе, но сути это не меняет. Человек живёт, пока он двигается, пока стремится туда, где он не был, пока он видит дальний звёздный свет. И самое ценное для человека – это найти таких же живущих, неуёмных искателей, и передать им свою силу и поддержку. Чтобы они дошли туда, куда я сам не смог.

Горящее сердце в темноте

Я ДАВНО УЖ ЖИВУ, НЕ СМЕЯСЬ...

Я давно уж живу,
Не смеясь,
В суматохе неясных веселий.
И не дом, не земля
Мне семья,
А раздумья, что в душу осели.
Что ищущу я, и чего я хочу?
Чтобы сердце не мяли, не лапали,
И не выцветших капельку чувств
С незапятнанной радости капель.
Я бы мог не живые года
Позабывать ради вечного света,
Только с верой до искры отдать
В руки тем,
Кто пойдёт с эстафетой,
Чтоб они не боялись в пути
В этом дико клокочущем мраке,
Если нужно огонь донести,
Своё сердце зажгли, словно факел.

Это стихотворение во многом перекликается с предыдущим: «Живущим руку протяну». Автор говорит нам о том, что избранность человека часто обозначает жертвенность. Что донести огонь можно, лишь сжигая себя, своё сердце. Особенный смысл оно приобретает, если знать, что оно написано во время заключения в Гулаге. И если пушкинский «Пророк» хоть и влачил в пустыне мрачной, но всё-таки был свободен, то Михаил Сопин уже был жертвой, осуждённой и заключённой, но при этом, как и «Пророк», понимал свою задачу «глаголом жечь сердца людей». И более того, осознавал, насколько важно передавать свою пророческую ношу следующему поколению.

*«Страшнее нету одиночества,
чем одиночество в толпе»*

К ИСХОДУ ДЕНЬ

К исходу день.
Хлеб чёрный есть на ужин.
Я никому
И мне никто не нужен:
Ни друг, ни враг,
Ни раб, ни господин.
Я в этот мир,
Прекрасный и позорный,
Распяленный свободой поднадзорной,
Один пришёл
И отойду один.

Отношения человека и окружающего общества всегда были предметом пристального рассмотрения всех литераторов. Но мало кто заострял внимание на вопросе перманентного одиночества. Этот стих в чём-то перекликается с фразой Марины Цветаевой: «Всякий поэт по существу эмигрант, даже в России... Эмигрант из Бессмертья в время, невозвращенец в своё небо».

Не всякий человек может так остро чувствовать свою уникальность. Не в том смысле, что я чем-то лучше другого человека. А в том смысле, что Вселенная внутри меня не имеет копии, она родилась вместе со мной и вместе со мной умрёт. И у меня нет шансов за свою короткую жизнь исчерпать даже малую толику того, что находится во мне. И как невозможно разделить с кем-либо своё рождение и свою смерть, так и нет возможности разделить с кем-либо свою жизнь. Она твоя и только твоя, тебе Богом данная, и с тебя Он за неё спросит.

Наталья Мелёхина (Вологда)

ЗНАКИ БЕДЫ

Когда читаешь биографию поэта Михаила Сопина, кажется, что жестокий XX-й век не оставил на ней живого места: все великие беды этого столетия отразились на его жизни. Он участвовал в Великой Отечественной войне, будучи ещё совсем юным. Михаил Сопин писал: «Я рождаюсь вот здесь, в сорок первом, мёртвым сверстникам глядя в глаза». Юноше Сопину повезло – он дошёл до Потсдама. После войны был арестован и, как многие советские эки, работал на строительстве Волго-Дона. Потом был второй арест, и теперь уже пермские лагеря. Он пережил смерть сына – художественно одарённого автора «русских комиксов» Глеба Сопина (молодой человек при странных обстоятельствах погиб во время службы в армии).

Поэзию Михаила Сопина издавали неоднократно. К примеру, в Вологде в 2011-ом году вышла книга «Спелый дождь». Основой для этого сборника стихов послужила изданная в 2006-ом году в США книга Михаила и Татьяны Сопиных «Пока живёшь, душа, люби!». Но до сих пор оставались неизданными короткие зарисовки в стихах, а также афоризмы из «Красного блокнота». Что такое «Красный блокнот», в предисловии рассказывает вдова поэта Татьяна Сопина: «Мы нашли красный глянцевоый блокнот с советской символикой (он не терялся из-за кричащей окраски), и я стала заносить туда афоризмы, шутки, мысли, которыми, бывало, так и сыпал Михаил под хорошее настроение. На улицу он тогда уже выходил редко (квартира на четвертом этаже без лифта), но, бывало, вышагивал по комнате, рифмуя, и время от времени кричал мне в кухню: «Татьяша, запиши!». Даже не обтерев руки от муки, я должна была поскорее отреагировать, чтобы потом вместе с автором привести заготовку в достойный вид. Ино-

гда записывала и без приглашения, особенно юморное, весёлое. Когда Миши не стало, я переписала «Красный блокнот» по разделам».

Разделы обозначают темы размышлений поэта, например, о человеке, России, свободе, толпе, обидах, политике, дураках, себе, смерти и т.д. Порою кажется, что, как человек, многое переживший, Михаил Сопин смотрит на мир мрачно:

Есть свет в осмысленной беде!
Нет смысла – с вымыслом бороться.
Я знаю:
Никогда, нигде
При жизни жизнь не удаётся.

Но потом встречается вот такая запись: «Самое светлое, что нам остаётся, – это понять друг друга и преклонить колени. Нам повезло, что мы можем себе это позволить». И вдруг понимаешь, что автор был далёк от уныния.

Некоторые его записи выглядят пророческими. Вот одна из них: «Распять пришедший... Общество, однажды распявшее Христа, обречено идти этим путем до конца: оно не пойдёт на создание нового Бога, это ему не под силу. И будет распинать признаки божественности в человеке; штамповать татей и каяться, чтобы самому казаться чище. А это, в свою очередь, будет вызывать к жизни кающихся – без греха, за грехи других, приговорённых к любви, как к высшей мере».

И самое главное: Михаил Сопин призывает потомков быть вдумчивыми и сдержанными, не бросаться слепо, закрыв глаза, в авантюры сиюминутного. «В наше время большое зло водит за ручку такое маленькое добро, что и разглядеть его очень проблематично. Эта формула касается и нашего героизма. Если героизм пропагандировать в отрыве от истинной трагедии, он будет выглядеть инвалидом на содержании у своих вчерашних врагов», – пишет Сопин.

•••

Андрей Моисеев (Москва)

ЗАКЛЮЧЁННЫЙ ДВАДЦАТОГО ВЕКА (Заметки разных лет)

...Видимо, важно иметь представление о месте Михаила Сопина в современной поэзии. На мой взгляд, это не просто «один из хороших поэтов сайта «Стихи.ру». Не могу поставить кого-то, из ныне пишущих, на один уровень с ним, да простят меня многие и многие современные таланты. Кого бы я ни сравнил с Сопиным – получатся звёзды разной величины, «белые...» и «жёлтые карлики» на фоне гиганта, Меркурии на фоне Юпитера. Это объясняется очень просто – ни у кого, из ныне живущих, не было такой удивительной судьбы. И не дай бог, чтобы была – столько в ней бед, лишений и несправедливости.

С тех пор, как я познакомился с поэзией Михаила Сопина, меня не отпускает желание больше узнать о его жизни, об истоках его таланта... да что там об истоках – просто понять, как он жил, каким был человеком, с кем дружил, каких взглядов придерживался. К большому счастью, многие свидетельства его жизни сохранились – точнее, были извлечены из небытия, собраны по крупицам Татьяной Петровной Сопиной с помощью людей, которые добровольно и бескорыстно ей помогали. Речь идёт не просто о фотографиях – ведь, как правило, только они и остаются на память об ушедших. Но, вот, к примеру, фотокопия письма Виктора Астафьева, в котором он ободряюще отзывается о стихах начинающего автора и тут же предупреждает его о трудностях литературного пути, с которыми сталкивается любой талантливый человек в России. Вот аттестат о среднем образовании, выданный тридцатиоднолетнему Михаилу Сопину, с тройками по

русскому языку и литературе, – и, сверив даты, понимаешь, что своё образование поэт получил в лагере на восьмом году отсидки. Вот фрагменты документального фильма «Вологодский романс», где мы видим живого Сопина, настоящего и естественного, который пьёт с друзьями водку на кухне и говорит о судьбе России, стучит одним пальцем на допотопной пишущей машинке, улыбается своей неповторимой улыбкой и машет рукой оператору... «Вологодский романс» – фильм незаурядный, выдающийся, завоевавший несколько призов – был выпущен в 1991-ом году. Где сейчас его создатель Александр Сидельников? Убит снайпером два года спустя в Москве, возле Белого дома... А сколько ещё судеб, переплетений, удивительных жизненных коллизий!

Поэзия Михаила Сопина не оставалась неизменной на протяжении его жизни. Самые светлые его стихи, как ни странно, написаны в лагере, на поселении – в них жива надежда на счастливое будущее после выхода на свободу. Однако вскоре пришло осознание, что настоящей свободы в нашем обществе нет и быть не может. Упрёки в адрес неразумной и бесчестной власти постепенно сменяются осмыслением того, что главные беды коренятся в сознании самого человека – «гомо советикуса». С годами поэт всё чаще обращается к военным и лагерным воспоминаниям, выступает от имени загубленного поколения «детей войны», солдат, заключённых.

Вот строки Михаила Сопина из предисловия к сборнику «Обугленные веком» (1995): «Мы входили в жизнь без идеологических шор, с широко распахнутыми глазами от бомб 1941-го года. Мои откровения не давались мне через лозунги и декреты. Всегда через личные потери, через страдания. Мы искали в правителе высшего судию, а находили в рабе палача. Мы жаждали от сильного покровительства, а находили в слабом садиста. Мы искали в незнакомом – друга, а находили в кровном врага... Мы собачьими глазами просили у общества участливой нежности, а общество обеспечивало нас ненавистью по высшей категории. Материнскую ласку, друга, любимую, свободу, пайку и махорку нам годами заменяла ненависть. Так было до тех пор, пока я не увидел, что ненависть плачет беспомощными слезами... Почему? Потому что наша ненависть являла собой бессмысленную, ще-

нячью форму самозащиты, рассчитанную на милосердие от обнажённой общественной дикости.

Мы входили в мир без идеологических шор и уходим без иллюзий. Именно это укрепляет меня в убеждённости: рано или поздно, при мне это произойдёт или без меня, если ненависть способна заплакать покаянными слезами, Родина неизбежно обретёт человеческий облик. Так думаю. Над этим работаю.

Стремление говорить правду, какой бы горькой она ни была, привело к тому, что Михаил Сопин не стал «своим» ни для патриотов, ни для либералов, ни для славянофилов, ни для западников, ни для «ястребов», ни для пацифистов. В своё время его творчество поддержали Виктор Астафьев и Вадим Кожин, однако этой поддержки было недостаточно для широкого признания. Сопин и его стихи всегда были «неудобными» – не только для действующей власти, но порой и для самого читателя. Они и сегодня читаются непросто, требуют большой внутренней работы.

Нина Писарчик (Вологда)

«АГОНИЯ ТРИУМФА»: поэма

Существует мнение, что поэма Михаила Сопина «Агония триумфа» является самым сложным его произведением. Завершённая в начале 90-х годов двадцатого века, она не истолкована до сих пор...

Как всякий большой поэт, Михаил Сопин и не может быть понят и осмыслен современниками. Необходимо «расстояние» во времени. Время работает на поэта, а наша задача – не замалчивать это имя. И вчитываться, вдумываться в его тексты.

Хор поэтов-фронтовиков отзвучал с началом нового века. Современное общество всё реже вспоминает Великую Отечественную, разве что ко Дню Победы. Не так много времени прошло в масштабах истории, на самом же деле сменилось несколько поколений, и даже поменялась общественно-политическая формация. В сложившихся обстоятельствах стало возможным пересматривать Великую Победу под иным углом зрения. Разве мог кто-то сомневаться в нашей победе сразу после войны? А сейчас оскверняются памятники русским солдатам...

Именно поэт Сопин, стоящий особняком в русской советской литературе, тексты которого увидели свет только при новом, постсоветском режиме, даёт объяснение нынешнего политического поражения России, несмотря на её победу во Второй мировой войне. В стране, воевавшей с нацистами, стали убивать по национальному признаку! Армия-победительница уничтожает собственных солдат – и в мирное время! Победившие живут хуже побеждённых... Разве это не «агония триумфа»?

Само название поэмы – «Агония триумфа» – можно истолковать, как «конец», «смерть триумфа», то есть, Победы, величайшей Победы, которую одержал наш народ.

Стоит ли повторять, что судьба поэта Михаила Сопина сплывалась с судьбой страны с самого военного детства: «Отхлебал докрасна, /Всё, что выпало, /Всё, что пришлось...». Именно поэмой «Агония триумфа» поэт подводит итог своей трагической жизни, не отделяя её от трагической истории страны. Правда жизни, не приукрашенная и не умягчённая за-ради искусства, делает поэму пронзительной. Это документ очевидца, желающего донести неискажённую историю с толкованием событий и с выводами о причине событий.

«Да, есть страх, /Есть ответственность: /Вдруг я о чём-то забуду...» Страха за свою шкуру нет: «Лишь меч времени /Головы белые наши сечёт...». Война, накрывшая не готовую к войне страну, так и не спросившую у своих вождей, почему всё-таки оказались не готовыми... Пели: «Если завтра война...» – и разоружали западную границу... Накануне войны пересажали и расстреляли чуть ли не целиком военное командование... Засылали разведчиков и не доверяли их до-несениям...

«Стали лицом мы к войне. И кусками, стоп-кадрами /Рвётся и крутится хроника, /Чёрно-белая лента /Моих полыхающих дней...» Поэма Сопина – именно хроника. Став солдатом в десять лет, он узнал всю правду о войне. Ту правду, что до последнего времени скрывалась от народа: в несколько дней Белоруссия, и Украина, и часть России были проутюжены вражескими танками – по живым людям. Сколько наших солдат – безоружных – оказалось в окружении!.. «Я, пацан, на расстрелянном поле. /Всё в груди. /С этим жить мне /До точки, до смертного дня. /За победу, солдаты! /Я знаю: /Не выйдет без боли...» И дальше: «Всё осмыслить хочу, /Разглядеть сквозь бинты декабррей: /Как героика масс /Превращается в общую робость?..». Как случилось, что сразу после Победы возникла «Беспросветная летопись – /Трассы, спецлагги, спецстройки...»? «Разделила сперва, /А потом предала нас идея...»; «На расправу – гуртом, как на вече...»; «За оградой державы /Жрал гулаговский нас реализм...» «Двадцать пять, пять и десять...» – советский режим, кричавший об успехах социализма, опирался исключительно на карательную систему, на лагерный, рабский труд. – «Будет так, как верховному надо. /Для таких вот народ – подъяремная сволочь тупиц...»; «Обезглашен и безъязычен, /Скорбь земную несущу. /В никуда, в белый свет говорю: /Как такое возможно – /Полвека бесправья, обмана?».

На глазах стареющего поэта поменялся в России политический режим. И опять обман: «Демагоги прошли в депутаты...». А народ по-прежнему только «пушечное мясо»:

Боже мой, сколько раз
Молодым человеческим мясом,
Наспех сляпав Указ,
Затыкала ты прорву,
Страна...

Значит, зря мы прошли
По окопно-этапной трясине.
Значит, общество наше
Годами, не грея, дымит.
Значит, нет больше совести,
Чуткости к звуку:
Рос-сия!.. –
Когда сердце от боли
Сдетонирует, как динамит.
Что, земля моя, с нами?
Неужели мы неизлечимы?

Так хочется найти у Михаила Сопина, поэта-трибуна и провидца,
– да, найти позитив. Разве что, вот здесь:

Не к разгулу я, край мой,
Не к бунту тебя призываю,
К состраданью, к свободе,
На исповедь кличу сердца.
Нас разъяла двуликость...

Без свободы, без правды горячей
Народу нельзя.
Озверевает душа...

Напоследок Сопин говорит о своём поколении: «Мы уходим, /
Последние певчие северных стай, /Гениальные, в серость /Роняя пред-
смертные крики...» – Неужели, всё-таки, в «серость»? И неужели это
про нас с вами?..

Признак нашей любви –
Неуёмная жажда увечий:
Лишь добив до конца,
Начинаем жалеть и щадить...

Похоже, это действительно про нас!..

Исаак Подольный (Вологда)

ТЯЖКАЯ СУДЬБА ТАЛАНТА

Поздно к людям пришла и получила должное высокое признание поэзия Михаила Сопина. Стихи его теперь многие, как говорится, разбирают на цитаты. Десятки моих друзей и знакомых хотели бы приобрести его книги, и не для украшения полок, а для чтения, и не повседневного, но в минуты сложных раздумий и сомнений. Его читатели – не просто любители поэзии, скорее – они историки нашего времени и свидетели событий века XX-го. Стихи Михаила Сопина – рождены этой эпохой.

Сегодня я не стану цитировать многие полюбившиеся строки Михаила Николаевича. Я хочу, чтобы в нём, в его творчестве люди увидели нечто большее, чем несомненный талант, пробившийся через личную трагедию. Талантами наша страна богата, да никогда не умела, и теперь не умеет их ценить и употреблять на общую пользу.

Мы ставим по России памятники солдатам-героям войны, спасшим Родину от фашизма. Мы пели песню «Жди меня, и я вернусь!», мы пели: «Где же вы теперь, друзья-однополчане?.. Мы тебе отдельный дом построим, чтобы было видно по всему: здесь живёт семья российского героя...».

Народ ждал героев с войны... Но, не всех! В конце войны в подразделениях многих родов войск были воспитанники, малолетние воины. У них не было ни дома, ни родных. Война отобрала у них детство, школу. Вместо школьного портфеля – солдатский «сидор», котелок да ложка. Вместо игрушек – самые дорогие трофейные пистолеты.

Война научила их не очень строго подчиняться военным уставам (всё же – дети!...). Война не могла приучить их к учёбе и чтению книг. Зато война приучила уважать силу, ловкость и собственную незави-

симость. И хотя мало кто из них помнил, кто такой Гаврош – «гаврошами» были все они: с твёрдой верой и отчаянной, безумной храбростью. Многие даже про Павку Корчагина не читали, зато хорошо помнили гайдаровского Тимура!

Но вот и пришёл конец войне! Тысячи частей и соединений тут же были расформированы. Солдаты спешили домой, а сынов полков дорога вела не к дому, а к разорённым пепелищам. Кто-то вёз домой трофеи, а дети не знали цены вещам: главными сувенирами войны были всё те же пистолеты, «вальтер» и «парабеллум», и обязательные трофейные командирские часы...

Особо повезло тем немногим, которых усыновляли и увозили на родину наши солдаты и офицеры. Вспомните трогательный финал шолоховской «Судьбы человека»! Сотни детей войны попали в Суворовские училища. Этим тоже повезло. Но, куда делись тысячи других? Один генерал – герой войны, воспитавший десяток таких малюток, сказал однажды: «...Суворовских на всех не хватило, зато нашлись ... ВОРОВСКИЕ...». Сбиваясь в группы, не привыкшие жить по законам, с детских лет бывшие герои, бездомные и голодные, попадали в зоны. Вспомните судьбу героя Брестской крепости Петра Клыпы... А в зонах учили совсем другому! Лишь немногие вчерашние «гавроши» смогли сохранить себя, смогли «найти свободу ВНУТРИ тюремных стен», как говорил когда-то Ганди. И стали они настоящей частью потерянного поколения.

Среди немногих выстоявших – Михаил Сопин. Бог дал ему поэтический талант. Тюрьмы и зоны отняли здоровье, но воспитали в нём волю и обострённое чувство справедливости. Семья скрасила любовью вторую половину жизни.

Вот почему большинство публичных стихов Сопина жёстки и категоричны, а лирические строки окрашены глубокой и чистой любовью... Серые полутона не характерны для этого автора. Может быть, кто-то и не согласится с моими оценками, но такие суждения сложились в моём сознании после долгих бесед с Михаилом Николаевичем в больничной палате. Вот как он вспоминал детство:

Слепой, истошный вопль в овсе –
Шли танки с трёх сторон,
Давили, били, рвали всех
Без всяких похорон.
На равных
Бой
И крик – ура!
Багряный след в овсе...
И насмерть бил, как били все.
И пропадал – как все.
Стреляю. Плачу. Кровь в зрачок.
Бью в башни, по крестам.
Но под разъездом Казачок –
От пули в бок
Устал.
Устал... Усталости конец –
Убитых братьев зов.
И пил в одиннадцать сырец,
С багровою слезой.

А вот что он писал позднее:

Не надо мне красного неба,
Не надо казённого хлеба,
Общественных мыслей-пустышек,
Героики вешек и вышек.
Последствия подвигов взвесьте!
Уродство сиротства шпаной
Маячит в грядущем –
Возмездье
С лицом,
Искажённым войной.

ДОРОГА К СЕБЕ

По полю страха,
Лжи и боли,
Где серость сеет лебеду,
Дорогой долга
Из неволи
Я к самому себе иду.
Угаснут отзвуки былого,
Мольба в грядущее – молва.
Когда на сердце бестолково,
Дурман – надежды.
Бред – слова.
Уйдут года,
Уйдёт удача.
Не будоражь нечуткий свет.
Он глух всегда.
И кроме плача,
Иной защиты просто нет.
Дороги прошлой не поправить.
Жизнь будет той,
Какой была –
Калиной горькою на память,
Что вьюгой поздней
Зацвела.

Я всегда,
Когда на сердце смута,
Дружески, безадресно, кому-то
Говорю:
До дна беду не пей.
Пусть скользит подольше
Налегке
Капелькой последней по щеке...
Чашу скорби
До конца не пей.
Радость – блик.
Беда – сухой репей.

Наталья Серова (Вологда)

С СОПИНЫМ ПО КАЛИНИНА, ВЕРНЕЕ, ПО ЗОСИМОВСКОЙ

Шли те самые, перестроечные годы, которые ныне так охотно зовут «лихими». Денег на культуру было нещадно мало, как почти всегда у нас, а культура на Вологодской земле переживала настоящий подъём. Новое слово «проект» вобрало в себя и концерты, и фестивали, и научные конференции, и «круглые столы». А получившие свободу от идеологического диктата работники культуры, под водительством поэта В. Кудрявцева, спешили работать. Лейтмотивом было: хоть денег и не дают, но работать-то не мешают!

В Вологде кипела киношная жизнь: кинематографисты охотно приезжали к нам: снимать, выступать, да и просто отдыхать, как это любил делать уже классик нынешнего кино – режиссёр Алексей Балабанов. Были в ту пору у нас, среди киношников, и просто родные люди. И это не только здешний уроженец режиссёр Половников, он же Митрич, но и ленинградские тогда ещё мастера-документалисты, режиссёры Валентина Гуркаленко и Александр Сидельников. Обладатели самых высоких профессиональных наград, они охотно снимали у нас, а наши работники и творцы становились героями их фильмов. Сидит за ткацким станком дивная художница Евдокия Васильевна Панова, гуляет по Буэнос-Айресу наш бард, депутат и машинист тепловоза Владимир Павлович Громов. На тесной вологодской кухоньке привычной хрущёвки витийствуют, спорят о путях России поэт Михаил Николаевич Сопин, композитор Константин Константинович Линк и всё тот же Громов. Перестройка... Что не так «перестраивается»? Что не идёт? И, вслед за А. Солженицыным, уже привычно: «Как нам обустроить нашу Россию?».

После премьеры большой документальной ленты «Преображение» А. Сидельникова – традиционное, многолюдное дружеское застолье. На сей раз за вокзалом – в каком-то большом деревянном железнодорожном доме барачного типа, видимо, выделенном Громову. Первый этаж, просторный зал, длинные столы вдоль окон, с нехитрой едой и водкой. За ними шумно расселись авторы фильма и их любимые герои. И опять – все речи о перестройке. Жаркие политические споры: Владимир Громов только что вступил в Коммунистическую партию, из которой массово удирали «верные ленинцы». И, конечно, песни и танцы под старенький магнитофон.

Праздничный вечер втянул в дискуссионную воронку всех, но с течением времени ряды гостей заметно редели. Несколько раз порывалась уйти и я, и всякий раз Саша Сидельников успевал удержать: «Нам тоже в Заречье, не спеши, до дома доведём...».

Но мне же завтра с раннего утра в командировку, машина за мной придёт, у нас в редакции «Красного Севера» с этим строго... Когда время приблизилось к полночи, засобиралась в дорогу одна. Не было тогда мобильников, не было такси на каждом углу, и в этом странном строении не оказалось даже простого телефона. Выбегала на улицу, в надежде поймать хоть какую-то машину, но посёлок Завокзальный уже отошёл ко сну. Не мудрено – середина рабочей недели.

Паническое настроение – как идти на другой конец города одной? – сменила спокойная решимость: иду! Нельзя портить праздник свободным от командировок людям. Тихо пробираюсь через пляшущую в центре зала ораву; в памяти остается высоченный Саша Сидельников, нескладно, но азартно отплясывающий русского (или «русского» – в кавычках? «русскую»?).

Улица, поздняя осень, темень-тёмная, холодный, пронизывающий ветер, что-то морозящее и мгновенно вернувшийся страх. Старый перекидной мост через железнодорожные пути, жуть шагов за спиной. Когда пугающий полуночник поравнялся, не сразу сообразила, что это Михаил Николаевич Сопин. Ужас сменился выдохом облегчения: хоть до вокзала вместе дойдём. Пошли. Разговор не получается, язык буквально прилип к небу. Пустая привокзальная площадь. Знаю, что Сопины живут в самом центре, недалеко от ТюЗа. Значит, с этой площади нам в разные стороны. Мне – вправо, по Калинина.

Михаилу Николаевичу влево, по улице Мира. Но, мой спутник, в светлом сером костюме, под морозящим дождем идёт со мной. Волна благодарности в душе, а дар речи всё ещё не возвращается. Понимая моё состояние, Михаил Николаевич начал читать какое-то своё стихотворение. Читал тихо, но внятно и убедительно. Была в этих словах такая спокойная сила, такая энергия, что реальность вернулась ко мне, и я пролепетала, что сегодня – всё как у Блока: «Ночь, улица, фонарь, аптека...».

Михаил Николаевич подхватил блоковскую тему. Это был горячий, страстный монолог о России. В памяти осталась только его фраза о том, что настоящие поэты всегда ведуны и провидцы, да не слышит их никто. Как жаль, что этот исповедальный монолог, полный смысла и боли, забылся, остался не записанным.

За разговором незаметно дошли до Советского проспекта, где мой спутник, конечно, свернёт в центр. Подумалось об этом уже без боязни. За эти четыре квартала по улице Калинина невысокий худенький собеседник успел напитать меня и силой, и свободой. А, собственно, что особенного? В своём городе просто гуляем ночью. Но и Советский проспект Михаил Николаевич решительно пересёк вместе со мной. Проводит до Красного моста, а от него повернёт к себе, в центр. Мы шли, разговаривая о Сашином фильме «Преображение». О трагедии великих русских ученых-агров Чаянова и Кондратьева, погибших в сталинских лагерях. Не помню весь монолог Михаила Николаевича о том страшном времени, когда его, ещё совсем мальчишку, посадили на большой срок. Он говорил яростно и тихо о том, как приходилось отстаивать себя, своё достоинство, чтобы просто остаться человеком. Не помню его слов, но ручаюсь за смысл сказанного. Он считал, что, пока народ и страна не осмыслят опыт советской каторги, преобразования, больших перемен не будет. Это была национальная и совсем не оптимистическая трагедия; её надо осмыслить и извлечь уроки. Об уроках истории, которые нами постоянно пропускаются, он говорил уже у Первой школы на набережной Вологды.

Этот путь по прямой через весь город стал и для меня, и для него ещё одной попыткой понять проживаемое время. Мы почти не спорили. Как кажется из сегодняшнего дня, оба чувствовали некую

беспомощность, непродуманность, безалаберность идущих перемен. Но энергия Михаила Николаевича, его вера в перемены, не лишала, а укрепляла надежду. Всё возможно. Всё получится. Во втором часу ночи дошли до моего дома. Дружески распрощались. Зевая, подумала, что надо бы сесть и всё записать. Не записала. Уснула.

Какая-то вдохновляющая благодарность неожиданному спутнику сопровождала всю командировку. И восхищение: какие у нас есть невероятные, бесстрашные мужики! Умные, чуткие, спокойные, сильные, понимающие. Тот поход через ночной город не задружил нас домами, но сделал Михаила Сопина моим личным маячком. Читала всё, что он писал. Ловила новости о его жизни и подступавших хворях. Однажды запнулась об услышанную фразу: «О Сопине его врач книгу пишет. И что она может о нём написать?». Улыбнулась: «О нём не книгу – книги можно писать».

Живя в старом и родном городе, невольно присваиваешь его пространство, по-своему обживаешь его и дополняешь событиями собственной жизни. С той ночи у меня есть моя улица Сопина. Сопина и Зосимы с Савватием. Великих русских мужиков, подвижников, работников, поэтов. А с преображением пока не получается; апатия и всеобщая усталость задерживают на улице Калинина. Но мы переберёмся на Зосимовскую, и преображение неминуемо будет. На него поработали и пострадали редкие русские люди. Такие, как Михаил Николаевич Сопин, оставшийся в памяти и самом воздухе Вологды.

Светлана Чернышёва (Вологда)

ЧЕРЕЗ ИСПЫТАНИЯ К ЧИСТОЙ ВОДЕ

В 1969-ом году заключённый лагеря «Спецлес» (Пермский край) Михаил Сопин написал такие строки:

Скажут:
«Прозевали,
А была ж вода...»
А потом завалят –
Не найдёшь следа.
И пойдёт молотья
Весть по хуторку.
«Мишкиным колодцем»
Место нарекут.

Я тоже попала в колодец – бездонный и завораживающий... Уже удалила жажду, напившись чистой родниковой воды творчества М. Сопина, автора тяжёлой судьбы, «летающего вниз, уносимого ввысь» (Г. Шекина), машущего руками, бьющегося о камни. И даже простор виден «сквозь столетия»: творческий и философский, вселенский и близкий, свой.

Почему же, не отрекаясь от стихов, он отрекается от себя? А может, от времени, в котором «повезло» жить? Ведь «не то ценить умели и выбирали не тех». И среди «горя и тленности» ад становится привычным. Вот только образ души застревает между местом зла и раем, а сам герой – вечный путник, плывущий по реке в своей особенной лодке, а другой ему и не нужно. Да и нам, его читателям, тоже! И пусть «горькая калина – это память», которой суждено зацвести только ме-

тостью, с достоинством он проходит через все испытания, не предавая чистоту души.

Вот портрет, написанный известным летописцем нашего края Исааком Подольным, который лично знал Сопина:

«...На голове метель седых волос... На впалых щеках – глубокие морщины. Застуженный, хрипловатый голос, и пальцы, похожие на барабанные палочки, – верные признаки застарелого лагерного бронхита. Синие веточки вен на натруженных руках. Каким только чёрным трудом ни пришлось заниматься долгие зековские годы! Глаза усталые, но внимательные, настороженные, но добрые, то вспыхивающие в понимающей улыбке, то гаснущие в разговоре о суетных мелочах. Со скепсисом улыбки на губах. Характер – жёсткий, но не озлобленный...».

В глубокий колодец всегда заглядывать страшновато. Почти ничего не видать. Можно догадаться, что внизу плещет вода. Близ дна колодца Сопина – огненные сполохи. Это война: «Я был убит, /Лишь в сводку не попал». Война Михаила – отдельная тема, это взгляд ребёнка, оформленный поэтическими строками через полвека, и потому удивительно живой (так раньше не писали). Но не будем слишком задерживаться на этом. Уникальные воспоминания о советских лагерях, в которых Михаил Сопин провёл семнадцать лет, записала вологодская писательница Галина Щекина:

«Когда я слушала Сопина, то местами замирала от ужаса. Зачем осмелилась ворошить то, что лучше забыть? Вспоминая, он оскаливался, перелаывая пережитое страдание, а глаза... Никакой детектив не сравнится с историей души, в которой навстречу друг другу ринулись две стихии: невероятный поток злобы и нечеловеческий запас любви. Сшибка этих двух сил предопределила развитие души».

Пришло новое время, страна изменилась, и даже имя у неё теперь другое, но что видит «отмотавший срок», но не вписавшийся в новую эру поэт?

«Россия – вечный фронт без тыла, слеза бесправья и бессилья». «Советский пепел /На кострах /Ещё горячий! /А Россия /Уже внушает древний страх, /Живя в предчувствии насилья».

И всё-таки это странный колодец. Из него струится свет. Он льётся уже от багровых отблесков сорок первого, где поэт: «...Живой среди убитых /И неживой среди живых». Он вглядывается туда из нелюбезной постперестроечной России: «И я броском – /Назад от даты, /Туда, /Сквозь грязь, /По гужевым, /Где примут исповедь солдаты /И нарекут /Меня /Живым».

Через несколько десятилетий свет льётся даже из колодца Великой Чердыни: «Нелюбимое прежде, /Сегодня так нежно любимое /Государство далёкое, /Чёрных лесов окоём. /Где-то вжался /В уральскую осень /Посёлок Глубинное. /А на трапах /И стенах /Живёт отраженье моё».

Почему же это воспоминание для него такое нежное? Там он был «свободным меж карцерных стен» (об этом кричал в звёздное небо ещё Пьер Безухов в знаменитом романе Льва Толстого). На лагерных нарах Михаил Сопин всерьёз начал писать стихи – как средство обрести своё лицо в мире, где каждому предназначено стать ничем, пеплом, пылью. И там он нашёл любовь к женщине, которой был лишён почти до сорока лет... Сначала по переписке. Впоследствии обратится к ней такими строками:

«Живи. /Тепло души храни. /И знай, /Что, уходя в дорогу, /Я пережил /Святые дни /Благодаря /Тебе /И Богу».

Эта переписка Татьяны Продан и Михаила Сопина, предназначенная при жизни только им двоим (опубликованная вдовой), невероятно интересна. Видно, как происходит рождение поэтического мира автора: он спорит, творит интуитивно и точно знает, для чего всё это. Сопин не признавал так называемого «лирического героя» – всегда подчёркивал, что пишет от первого лица, о себе. Ему не надо было выдумывать, хотелось только донести правду о своём поколении, о времени, которое не должно вернуться... Хотя, к сожалению: «История не учит ничему».

И вот появляется иная мелодия. Под окнами пермской квартиры Сопиных рос тополь, а за ним открывались дали – Михаил любил стоять перед этим окном, подбирая строки. Ладонь тополя теплее и человечнее, чем у двуногого собрата. И рождается авторская песня: «Подари мне листок, тополёк, /Золотого оклада иконку...» (Михаил

хорошо пел и играл на гитаре, эти записи частично сохранились).

Поэт вглядывается в родственную «до глубинных корней» душу тополя, и снова возникает образ колодца: «Мы до грусти похожи с тобой, /Отражаясь в судьбе, /Как в колодце».

И это тоже льющий из глубины свет. А потому так хочется пить и пить чистую святую воду поэзии из авторского колодца. Боялся же М. Сопин, «что завалят – не найдёшь следа». Просил, чтобы аукали, не гасили огня и протягивали руку. «Я не ослаб, но пожалей меня», а такое признание – удел сильных духом... Но не стёрли, не хватило сил ни у власти, ни у времени. Видно, что люди читают, помнят, любят поэзию, которая напоминает молитву того, кто выстрадал и испытал сполна.

Из стихотворения, посвящённого любимой: «Неужто... /Растаю тенью, пляшущей вдали? /Но воскрешает вновь судьбы причуда / Твою мечту. /И пляшет дождь гурьбой, /И я опять, как вышедший из чуда, /Как зов души, /Стою перед тобой».

Ирина Фещенко-Скворцова (Португалия)

ЕСТЬ СВЕТ...

Прочла трудную для чтения книгу Михаила Сопина – «Спелый дождь». Трудную, потому что в неё составитель этой книги, Татьяна Сопина, вложила так много, практически всю человеческую жизнь... Это счастье для поэта – иметь не просто добрую, любящую, понимающую жену, но – соратника, умного писателя, литературного критика, бесконечно преданного любимому человеку, и в жизни, и в смерти.

Татьяна, подготавливая книгу к печати, и не пыталась отделить судьбу Михаила Сопина от судьбы России, да это было бы и невозможно, как поэт и человек Сопин сросся с Россией, он ощущал себя её неотъемлемой частью, только поэтому он имел право – судить, судить свою Родину...

Такая трудная человеческая судьба... Стихи Сопина оставляют впечатление хлещущего потока крови, она бьёт толчками из разорванного сердца поэта. Неровными толчками. Поэтому порой ритм стихов прерывается, поэтому они так неостановимы, таким бесконечным кажется их течение.

По некоторым оговоркам Татьяны понимаешь, как пыталась она настроить мужа на корректировку своих стихов, на ограничение их строгой формой. А Михаил писал взахлёб, ко многому не возвращаясь. Может быть, нужен был, действительно, более тщательный отбор, шлифовка стихов... трудно сказать наверняка. Верно то, что есть у поэта чудесные, короткие, афористичные строки – яркие и ёмкие. И, права Татьяна, столько пророческих строк – о судьбе, о будущем своей страны, своего народа.

Думаю, литературный анализ Татьяны Сопиной высвечивает в стихах Михаила самое важное. Это касается и смысла, и мелодий сти-

ха, и интересной рифмовки, свойственной Сопину. Лучше, чем она – не скажешь.

Хочу завершить своё краткое слово об этой книге строками Михаила:

Есть свет в осмысленной беде!
Нет смысла – с вымыслом бороться.
Я знаю: никогда, нигде
При жизни жизнь не удаётся.

Я бы уточнила: не – «не удаётся», но не бывает увиденной – во всём своём неповторимом значении. Но, верю, не напрасно...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Мне с каждым днём его всё больше не хватает...

Время заменителей и подмен. Во всём, что касается не только «маленького человека», но и маленького человечка – ребёнка. Виртуальные переживания, виртуальная дружба, виртуальные победы и поражения. Кто из них вырастет?..

Но ведь кто-то по-прежнему летает в космос! И делает уникальные операции по пересадке человеческих органов. И пишет божественную музыку. И создаёт уникальные синтетические материалы, которые не превращаются после сиюминутного одноразового использования в смердящие горные хребты, но служат человеку долго и с пользой. Да и что греха таить, кто-то всё ещё возделывает пашню и пасёт скот, доит коров. И выращивает хлеб, которым невозможно навредить человеку... Что мы знаем об этом? Что нам, живущим в городах, рассказывают об этом? Человека созидающего вытеснил из общественного пространства человек, бессмысленно и радостно «коммуницирующий». Бесконечное желание рассуждать обо всём, без малейших зачатков знаний и опыта хоть в чём-то – следствие ещё одной современной эпидемии. И никак мне не обойтись без цитирования Давида Самойлова.

Вот и всё. Смежили очи гении.
И когда померкли небеса,
Словно в опустевшем помещении
Стали слышны наши голоса.

Тянем, тянем слово залежалое,
Говорим и вяло, и темно.
Как нас чувствуют и как нас жалуют!
Нету их. И всё разрешено.

Давид Самойлов

Сообщество невежественных потребителей – благодатная питательная среда для транснациональных компаний. Политики, попирающие основополагающие принципы международного права. При всём при этом – на прилавках обычных наших магазинов, что в столицах, что в провинции, – невиданное ещё лет двадцать тому назад «изобилие»: от сладкого до самого горького... От съедаемого, тем не менее, до носимого и читаемого. Тоже, как выясняется и осознаётся трезвеющим народом, далеко не натуральное, по большей части. Последние дни? Очень похоже... Хотя, кто может точно сказать, как выглядят «последние дни»?

Но... В каждом новом столетии наступали эти «последние дни», да так и не наступили. Ибо никто из живущих не знает точно, когда они придут.

С тех пор, как был распят Христос,
Мечом шла милость на немилость.
Так много крови пролилось,
Чтоб ничего не изменилось!..

Эту всеобъемлющую Новую историю человечества, написанную фронтовиком и сидельцем Михаилом Сопиным, надо изучать всю жизнь, сколько бы её кому ни осталось здесь. Знания, сокрытые в этих двадцати словах, в этом самом лаконичном и понятном учебнике истории из всех, что довелось мне держать в руках, конечно же, сдать ЕГЭ не помогут. Они лишь дадут ещё одну возможность обходиться без ЕГЭ, чтобы оставаться человеком мыслящим. «Из какого сора...» (А. Ахматова) выросли эти стихи?

У каждого поколения русских поэтов в активе есть свои сокрушительные трагедии и победы. И свои герои, которых издают многие, и знают все. Есть не открытые миллионами читателей авторы, которых до поры до времени не знает никто, «кроме самых любимых и преданных женщин»... Да и мучениками литературная среда в России не оскудевала, кто бы ни был у власти. Если есть власть, куда ж деться мученикам?! А в них, мучениках, если не перевелась она ещё, хранится соль земная.

Десятилетний Миша Сопин, уходивший, бежавший из Харькова от фашистских самолётов и танков, «растворённый» в миллионной

толпе беженцев западных областей и республик Советского Союза, как покажет время, до конца не растворился, не пропал, не потерялся. И в прямом, и в переносном смысле. Умываясь кровавыми слезами, ничего не знал он тогда о «слезинке одного ребёночка», которой не стоит весь мир познания! И познавал он этот мир не с чьих-то слов и не из книжек. В том его самом настоящем детстве всё было настоящим: и кровь, и слёзы, и радость, и потери. И детская ещё, бессмертная душа всё принимала сполна. И всё вынесла, слава Богу, всё сохранила! Чтобы было, чем поделиться с ближними своими... В сложном для честного, осмысленного восприятия, в почти лишённом сантиментов поэтическом и публицистическом космосе Михаила Сопина нашлось место всему пережитому, кажется. Не утверждаю – предполагаю.

У разглядевшего в аду кромешно бездны высших чувств и смыслов уже никогда не получится жить бессмысленно, по указке. С самого раннего детства до последней минуты своей жизни земной Михаил Николаевич был «страшно близок» к народу, оставаясь везде своим среди своих. И крест свой нёс он без ухищрений и фантазий. Без фанатизма и самодеятельной театральщины. Большую часть времени на свободе работал слесарем, сантехником, оставаясь поэтом круглые сутки, год за годом... Остро чувствуя малейшую фальшь, он сторонился не демонстративно, но твёрдо любого участия в сеансах массового проявления либерально-демократического оптимизма. Опасался ли оказаться не понятым? Кто ж этого не боится...

В нескончаемой простоте и удивительной «несинонимичности» практически любого слова из его строки, мне это становится понятнее с каждым годом только теперь, когда остаётся лишь предполагать, а переспросить у автора нельзя, проявляется для меня не пугающая убеждённость пророка. Пророка, жившего рядом с нами. Бывшего одним из нас. Но это для меня. Представляю, что сказал бы Миша, с какой усмешкой посмотрел бы в глаза, с каким сожалением: «Нету их. И всё разрешено», – кабы осмелился я назвать его в глаза пророком!

Чтобы понять человека, надо с ним сравняться. Как сравняться с поэтом? Как приспособить свой скудный аппарат восприятия, что с удовольствием равнодушным питается клипово-рекламной целлюлозой, как настроить его на тяжёлый труд осмысления вечных истин? Жаловаться некому. Жаловаться не на кого. Во всём надо разбираться

и управляться самому, потому что всё есть в тебе самом. Потому что ты создан «по образу и подобию»! Но, как ни крути, автор не Бог, а простой смертный, и однажды он жалуется:

Мне страшно: а вдруг я неволю
Живущих живым сострадать?
Я жалуюсь
Белому полю,
Чтоб голос мой слышала мать:
Мне холодно, мама,
Я стыну.
Мой голос звучит или нет?
Торжественно. Людно. Пустынно.
Ни слова, ни звука в ответ.
Россия, родимая, стыну.
Метелит в бурьяне былье.
И в снежную тонет пустыню
Прощальное
Слово мое.
Бессмысленно-медленно стыну.
И нет многолюдью конца.
Убитому
Жалуюсь
Сыну
На участь
Живого отца.

Да и ты, читатель, не Бог. Вот и не суди, а постарайся понять. Сделай усилие над собой, человече! Безусловная сила его слова – в правде. И эта правда кажется тяжёлой и неподъёмной. «Бесчеловечной» некоторым кажется его правда. Не видеть бы её, не встречать! Любопытны бы рассветами над речными туманами необъятной нашей Родины... Как-то один из младших его братьев по Союзу писателей пожаловался Сопину на него же: «Хорошо вам, Михаил Николаевич – воевали, сидели... Есть, о чём писать!». И смех, и грех. Но по большому счёту «жалобщик» прав! Куда легче сообщать миру невыдуманное,

своё, потому что так честно. Если, конечно же, ты знаешь, что и как надо сказать человеку, дабы не убить его, но поддержать... И только так! Хорошо, безусловно, но легко ли? Легко ли «тревожить» сытое счастье не видевших горя? Надо ли?..

И отвечал Поэт на многие свои вопросы каждодневным высеканием слов из не остывающих воспоминаний. Какая сила сокрыта в человеке! Втаптываем в грязь, да не втоптан! Раздавливает тяжестью государственной машины, да не раздавлен! Тихим своим голосом с хрипотцой подбадривающий нас, живущих, на оправдание предназначения единственного – коли созданы мы по образу и подобию – оставаться людьми любящими. Не «послания» человечеству, не «высказывания» его стихи. Это скрупулёзные дневники и сокровенные молитвы человека, ведущего каждодневную борьбу с собой, понимающего, что только так можно остаться честным.

Бессмысленно и рано говорить о «судьбе поэта», когда его стихи только начинают обретать своих читателей. И выходят трудами Татьяны Петровны Сопиной сборники и сборнички новых стихов Михаила Николаевича, стихов, написанных будто сегодня...

Предпасхальное утро.
Снег. Апрельская слякоть.
Между Богом и мной
Кто-то стал толмачом.
Не могу я с толпой
Ни смеяться, ни плакать.
Я попозже... Потом.
Когда будет о чем...
И мучитель, и раб,
Сын слепых поколений,
Выйду в чистое поле
В вечерний четверг,
За слепцов и тупиц
Упаду на колени,
Чтоб Господь
Мою горькую мысль
Не отверг.

Один из своих прижизненных сборничков, подаренных мне Мишей, был подписан: «От каждого шага, от вздоха блокадней сжимается круг. Не всё ещё плохо, Алёха, но лучше не будет, мой друг...». Что ж так? Почему бы не дать надежду на «светлое будущее»? Никогда не казался мне таким очевидным ответ на эти вопросы, как сейчас...

Тайна таланта любого настоящего поэта – дар Божий! Можно ли разгадать её, постичь, осознать, «препарирова» только тебе видимые стороны непостижимого явления?.. Думаю, только поднимаясь-приподнимаясь над собственной неправотой, читатель готов испытать эту радость непостижения чужого таланта.

Алексей Колосов (Вологда)

ОБ АВТОРАХ:

Андреева Татьяна Александровна. Окончила Вологодский государственный педагогический институт, кандидат филологических наук. Преподавала английский язык в школе и вузе, работала в Правительстве Вологодской области. Автор ряда книг – проза, стихи, сказки, мемуары.

Беляева Алина, 19 лет. Живёт в Белгороде. С золотой медалью закончила Белгородский инженерный юношеский лицей-интернат, ныне учится в Белгородском государственном технологическом университете им. В.Г. Шухова. Лауреат многих Российских и Международных конкурсов среди учащихся. Участник Международного форума старшеклассников «Диалог культур в эпоху глобализации» на XII Международных Лихачёвских научных чтениях в СПбГУП в мае 2012-го года, дипломант Международного конкурса творческих работ старшеклассников «Идеи Д.С. Лихачёва и современность». Здесь публикуется её доклад, сделанный на Лихачёвских научных чтениях 17-18 мая 2012-го года в Санкт-Петербурге «Художественный мир Михаила Сопина в свете идей Д.С. Лихачёва».

Беляева Татьяна Михайловна. Родилась в Белгороде, закончила Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова. Ныне пенсионер. С детства слышана от старшего поколения о героических боях в своём крае, всегда интересовалась историей Великой Отечественной войны.

Жукова Элеонора Александровна. Родилась в Междуреченском районе Вологодской области. Закончила Вологодское медицинское училище, по профессии акушерка. Сейчас на пенсии. Живёт в Вологде.

Захар. Ник из Интернета.

Ковалькова (Охапкина) Татьяна Ивановна, Санкт-Петербург. Окончила факультет журналистики ЛГУ в 1988-ом году. Тема исследовательской работы: правозащитные и литературно-философские журналы самиздата 1970-80 гг. Активный участник молодёжного движения за экологию культуры в период перестройки. Работала в газетах и на телевидении (Ленинград, СПб), на ТК «Культура». С 2007 года член Международной ассоциации «Русская культура», заместитель главного редактора альманаха «Русский мир».

Колосов Алексей Алексеевич, родился в 1953-ем году в Среднеканском районе Магаданской области. Семья переехала в Воронежскую область, где Алексей Колосов закончил восьмилетку и Воронежский авиационный техникум имени Валерия Чкалова. Служил в Советской Армии, учился на факультете журналистики Воронежского государственного университета, работал во многих газетах и журналах СССР, преподавал на журфаке ВГУ фотожурналистику. В 1993-ем году переехал в Вологду. Работал в газетах «Русский Север» и «Красный Север», сотрудничает с журналами «Вологодский ЛАД» и «Благовестник», участник многих профессиональных фотоконкурсов.

Корденко Ирина. Проживает в Юго-Восточной Украине. По образованию – филолог, учитель украинского и русского языка. Издатель.

Коротких Раиса Васильевна. Окончила 2-ой Московский государственный медицинский институт имени Н.И. Пирогова. Работала врачом, преподавателем в вузе, научным работником в Национальном НИИ общественного здоровья РАМН. Являлась членом Международной ассоциации биомедицинской этики, рабочей группы по подготовке законопроектов в области охраны здоровья граждан в Государственной Думе РФ. Автор более ста восьмидесяти научных публикаций, пяти монографий (часть в соавторстве). Доктор медицинских наук, профессор. Автор художественных книг «Мои Сере-

бряные Пруды», «Осенняя пастораль» и др., публикаций в журнальных статьях. Член Союза российских писателей. Номинант премии «Писатель года» в 2011-2014-ом годах.

Кушина Виктория. Родилась в Вологде 1993-ем году. Стихи пишет с четырнадцати лет. За плечами победа в областном конкурсе, публиковалась в местных изданиях – в газете «Литературный маяк», в сборнике «Серебряная россыпь». Участница студии «Лист» и ЛитО «Ступени».

Макаров Василий. Родился в 1979-ом году в г. Кировске Мурманской области. Закончил Петрозаводский государственный университет в 2002-ом году, программист. Пишет стихи и прозу с конца 90-х годов. Основное место публикации: <http://www.proza.ru/avtor/drmoriarty>. С 2014-го года участник, затем модератор группы «Ступени». Автор рецензий на новые книги. Публикации в журнале «Листва».

Мелёхина Наталья. Прозаик, критик, окончила факультет филологии, теории и истории изобразительного искусства ВГПУ. Лауреат ряда всероссийских литературных конкурсов, а также Международного Волошинского конкурса (2013-2014-го года). Печаталась в изданиях «Знамя», «Октябрь», «Дружба народов», «Сибирские огни», «Север», «Вологодский Лад», «Охотничьи просторы», «Лёд и пламень», «Петербургская газета» и т.д. Автор книг «Медведь с заплатой на ухе», «Забывая, как звали», «По заявкам сельчан».

Моисеев Андрей. Родился в 1967-ом году в Москве. Инженер, преподаватель. Автор стихотворений и ряда статей о поэзии конца 20 - начала 21-го века.

Писарчик Нина Викторовна. По образованию библиотекарь-библиограф. Дополнительное образование: Литературные курсы при МО Союза писателей России. Литературный критик, редактор, корректор. Автор книг «Я – читатель», «Избранное» (совместно с Г.А. Щекиной), публикации в местных изданиях, на сайте «Проза.ру»: <http://www.proza.ru/avtor/yanina331>

Подольный Исаак Абрамович. Информация из интернет-журнала «Русское литературное эхо»:

«Наша семья живёт в Вологде более ста лет. Я родился в 1929-ом году. Окончил пединститут в Вологде. Работал учителем, директором школы, затем – аспирантура в Москве по физической химии. Десять лет заведовал кафедрой химии, ещё пятнадцать – был деканом факультета подготовки директоров школ. Общий педагогический стаж в семье идёт к 250-ти годам». Автор двадцати четырёх книг. Опубликованы книги о Менделееве «Красота – сияние истины»; о Холокосте «Опаленные огнём» и «Людям XXI века»; «Они победили» – очерки о героях войны и мира; книжка стихов «Обращаюсь к друзьям»; историко-документальная повесть «Такая музыка была». Лауреат премии «Самая добрая книга страны».

Наталья Сергеевна Серова, заслуженный работник культуры РФ, искусствовед, лауреат престижных профессиональных наград. В течение многих лет обозреватель и заведующая отделом культуры областной газеты «Красный север». Соавтор (вместе с профессором И. Шайтановым) просветительского проекта «Открытая трибуна» – «Вологодские пенаты», в рамках которого вышла книга «Вологодские пенаты или Пятая Вологда». Автор книги «Век Ивенского».

Чернышёва Светлана. Родина – село Биряково Вологодской области. Закончила ВГПУ. В настоящее время живёт в Вологде, работает в областной детской библиотеке.

Фещенко-Скворцова Ирина. Родилась в Волгограде. Кандидат педагогических наук. Поэт, эссеист, член Союза российских писателей. Автор нескольких поэтических книг и книг переводов. Переводчик португальских, бразильских, испанских поэтов. С 2003-го года живёт в Португалии.

ОГЛАВЛЕНИЕ:

Предисловие (Татьяна Сопина).....	3
Андреева Татьяна. О жизни, что любил до слёз	5
Беляева Алина. В свете идей Д.С. Лихачёва	10
Беляева Татьяна. Три правды о политруке	18
Жукова Элеонора. Когда любить смешно	25
Захар. Реалистический символист или символистический реалист?	28
Ковалькова (Охупкина) Татьяна. Сострадание, «благоутробие» поэзии Михаила Сопина	35
Колосов Алексей. Река времени уносит всё, кроме памяти	42
Корденко Ирина. Мост не сгорит	47
Коротких Раиса. Что мне дорого в творчестве поэта Михаила Сопина	65
Кушина Виктория. Сотворённое из музыки слов	71
Макаров Василий. Жизнь в печальном русском небе	74
Мелёхина Наталья. Знаки беды	82
Моисеев Андрей. Заключённый двадцатого века	84
Писарчик Нина. «Агония триумфа»: поэма	87
Подольный Исаак. Тяжкая судьба таланта	91
Серова Наталия. С Сопиным по Калинина, вернее, по Зосимовской	95
Чернышёва Светлана. Через испытания к чистой воде	99
Фещенко-Скворцова Ирина. Есть свет	103
Послесловие (Алексей Колосов)	105

НА ЛАДОНИ ВРЕМЕНИ

Сборник

Литературный редактор: Татьяна Сопина
Корректор: Нина Писарчик

Формат 90x60/16. Печать офсетная
Усл. печ. л. 7,3. Тираж 100 экз.
Заказ № 387

